

ОЛЬГА АНТЕР
ЦЕНА ИЗМЕНЕНИЯ

18+

Ольга Антер

Цена изменения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42310350

SelfPub; 2019

Аннотация

Мир никогда не выпустит любимую игрушку и будет раз за разом подбрасывать новые испытания. Но, когда перед тобой открываются два пути, рано или поздно приходится выбирать, по какому пойдешь. Подчинить изменение, увидеть иные миры, каждый день смотреть в лицо опасности, презрению и лжи, и при этом – ставить чужие жизни выше своей? Или потерять дар и стать супругой Главы рода, следовать тысяче правил и получить все, что может предложить высший свет – от интриг до власти над судьбами других? Одиночество или предательство собственной души? Что бы ни шептали непрошенные советчики, Аори сама решит, какую цену готова заплатить.

Содержание

1	4
2	35
3	66
4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	114

1

Веррейн задумчиво посмотрел на корку крови на своих пальцах. Засохшая, испещренная тысячей трещинок.

Принюхался.

Чужая.

Он медленно сжал кулак. Так сильно, как только смог, так, что ногти впились в ладонь. Тогда появилась хоть какая-то боль, слабая, едва заметная. Она подсказала, что оставшийся Веррейн цел и невредим.

С трудом проглотив вязкую слюну, изменяющий завертел головой, пытаюсь понять, где оказался.

Трущобы. Узкий, зажатый домами темный переулок. Тихо, как в гробу, только где-то вдаль заливается лаем мелкая псина.

Холодно. От пропитанного сыростью воздуха, от волглой, усеянной островками зеленой плесени стены за спиной. В швах поросль собралась целыми колониями, склизкими и мерзко пахнувшими. Поперек каменной кладки протянулась широкая полоса, будто по стене проехалось что-то... или кто-то. Ожидаемо она оканчивалась Веррейном.

Каша из давленной плесени покрыла грудь вместо отсутствующей рубашки, хорошо, хоть брюки остались. Впрочем, ниже пояса не он не чувствовал особого уюта.

Под задницей растеклась лужа. Маг наморщил лоб, но, похоже, локальное болотце появилось тут задолго до него. Да и не чувствовал он в себе силы напрядуть столько.

Если по-честному, он в себе вообще никаких сил не чувствовал. Даже руку поднять стоило немалых усилий, а ноги и вовсе валялись в грязной воде, как два бревна. Связи с Арканиумом отпали напрочь, будто Веррейн вернулся во времена ученичества.

Ладонь плюхнулась в лужу, обдав бедро брызгами. Изменяющий прислонился затылком к камню и закрыл глаза. Он перебирал пальцами густую муть и пытался вспомнить хоть что-то. Корка крови на руке постепенно растворялась, смешивалась с остальной грязью.

Память возвращалась обрывками, короткими и несвязными. Вспышками. Веррейн не мог понять, что случилось раньше, а что – позже. Он даже не мог поручиться, что было на самом деле, а что произошло только в больном воображении. Порой маг видел себя со стороны, будто смотрел кино, но не удивлялся – мир любил над ним шутить.

Вот он стоит на поляне. Деревья вокруг – размытые черные мазки, но в падающих сверху лучах света он видит каждую пылинку. Этому немало способствует то, что ни одна не движется – пространство загустело, будто сироп. Птицы сидят на ветвях ракитника, приоткрыв клювы, и Веррейн почти слышит их щебетание. Звуковые волны тоже висят, впаянные в смолистое тепло.

Маг поднимает голову – он свободен в тюрьме застывшего времени. Он бог этого кусочка мира. И вместо яркого круга звезды видит пустую глазницу, из которой сочатся кровь и гной.

На плечи ложатся чужие ладони, и ему легко, тепло от того, что больше не один. Но они – чужие, совсем чужие, и он дергается, резко и зло отмахивается. Руки, оторванные у локтей, падают на землю. Остального тела нет. Нет и крови – только два обрубка, два давно холодных куска мяса валяются под ногами.

Он кричит, но вопль вязнет, как муха в янтаре. Веррейн и сам понемногу застывает, превращаясь в отвратительный инклюз. Горло сдавливают, как если бы на него набросили мокрый шерстяной шарф и слабые детские руки изо всех сил потянули за концы.

Веррейн глухо закашлялся, через силу выталкивая из себя воздух и ненавистное воспоминание. На секунду открыл глаза, мазнул по стылым камням полубезумным взглядом, но переулочек расплывался, превращался в совершенно иное место и время.

Детские руки, дети, детки... Старая школа с дощатыми стенами. Откуда он знает, что школа? Он учился здесь невесть сколько лет назад. Серое дерево покрыто неумелыми рисунками, и вот эту кривую трехногую собаку нарисовал маленький Веррейн. На него не смотрят – дети носятся вокруг, радуясь перемене, вопят и толкаются. Шутливо, не

всерьез.

Над новичками тут шутят, как взрослые.

Прямо на глазах стены начинают тлеть, превращаются в угли, минуя стадию огня. Краска вздувается пузырями, прогорает собака – один хвост остался. Потом и его покрывает копоть. Дети, забыв об играх, прибиваются к изменяющему, как к последнему островку спасения.

Нет. Дурак... В руке каждого блестят маленькие перочинные ножики. Обломанные, иззубренные от твердого дерева, которое ими кромсали. Глаза детей теряют последние отблески разума, они бросаются, все вместе, пытаются вонзить свои жалкие тыкалки в тело.

Ярость все больше разгорается, от нее, наконец, вспыхивает и сам Веррейн. Он разбрасывает тельца, и те взрываются, как ягоды крыжовника, как проткнутые воздушные шары. И внутри один лишь черный дым.

Этот дым... Он был еще где-то. Да, точно.

Астраль.

Это воспоминание показалось Веррейну куда ярче прежних, и он нырнул в него с головой.

Горят дома в восточной части города – той, где открылся проход с Грани. Пепел падает с неба, похожий на снег, тот самый снег, что падал полчаса зимней луны.

Веррейн идет по улице, на которой стоят невысокие, уютные особняки. Нигде ни звука, порой лишь от порыва ветра скрипят то ли ставни, то ли заборы – несерьезные, из ши-

роко расставленных штакетин. Поросль кустов стелется через проемы, как сбежавшее молоко. Все дышит покоем, радостью жить. Любовью к своему дому и своему миру.

Расплывшиеся темные пятна на мостовой показывают, где демоны настигали тех, кто страдал всеми этими глупостями.

Пыль и грязь, которых не было утром, липнут к подошвам и к душе. И, если ботинки можно отмыть или выбросить, что делать с тьмой внутри? На какую мусорку отнести запретные мысли, которые заставляют скрипеть зубами, рычать, как зверь, от невозможности что-либо изменить? Куда деть эту гнусную ярость, это желание, чтобы от боли выль кто-то другой?

Он хотел сойти с ума и не мог. Слишком давно был не в себе, привык, а такую дорогу надо начинать сначала. И только одна-единственная девушка умела отстранить безумие.

Все снова смешалось, прошлое и настоящее.

Калли.

Он стал ее наставником, другом и любовником, стал гораздо большим, чем смел просить и чем хотел сам. Стоит только подумать, и кончики пальцев чувствуют тепло бедра. Той нежной складочки между ногой и животом, что получается, если свернуться клубком. Руки безраздельно властвовали над ее телом, им было разрешено все.

Лучше всех духов – запах Калли. Часами не мог выпустить ее из объятий, как наркоман, тянулся за новыми дозами. Она смеялась и пыталась читать, но не различала ни

одной буквы. Калли вечно куда-то спешила, отчаянно глотала знания, будто не вечность была впереди, будто мертвые страницы враз стали важнее одного обретшего смысл жизни изменяющего...

Веррейн терял последний разум, выдирает из рук книги, рвал их на клочки. И был с ней до того короткого мига, когда мир взрывался ослепительной вспышкой, когда он не мог дышать и даже шевелиться. А потом соскальзывал в расслабленное блаженство, лежал рядом, смотрел на Калли и думал: “Моя. Моя женщина. Самая охрененная в этом сраном мире”.

И чувствовал себя самым охрененным от того, что обладал ей.

Грязь обметала низ штанин, но Веррейн уже не смотрит под ноги. Другие изменяющие остались далеко позади – прочесывают кварталы, ищут следы последних тварей. Не выпускают друг друга из виду, готовые броситься на помощь. А он просто идет по осевой погибшей улицы, и те, кто не успел вернуться на Грань, сами сбегаются навстречу.

Сверху прыгает очередная тень. Веррейн отмахивается, не глядя, – он чувствует, что впереди ждет что-то посильнее. Что-то, с чем может справиться только опытный маг. Маг, в котором бурлит собранная Арканиумом энергия. Маг, способный стереть эту улицу с лица земли, но не способный спасти тех, кто на ней живет.

Жил.

Сердце колотится, как бешеное. Веррейну даже кажется, что оно, презирая анатомию, встало комом у него в горле и не дает ни глотать, ни дышать. Он останавливается, трясет головой, через силу делает несколько глубоких вдохов.

Что это, страх? От мелкой твари, не способной и обычно-го-то горожанина убить?

На землю падает несколько темных капель – все, что осталось от демона. Человек ли, зверь – те бы выбрали момент, затаились, напали со спины. Но не безмозглые комки ненависти. Демоны знают лишь голод, они умеют утолять его лишь одним способом – дочиста высасывая каждую кроху энергии из своей добычи. Когда проход только открылся, они жрали друг друга. Потом появилась пища получше.

Это – страх, кивает Веррейн своим мыслям. Но не за себя. Он бросается вперед, закусив губу, мчится так, что болью взрываются мышцы и связки. Два дома и поворот. Длинные полосы материи полощутся на ветру у дома соседей-ткачей. Она захотела жить тут, а не в Арканиуме. словно они семья, словно они обычные, жалкие, никчемные людишки.

Под ноги попадает вывороченный из мостовой камень, отлетает в сторону, лишая Веррейна равновесия. Он едва не падает, пробегает несколько неловких шагов и останавливается, со всей дури врезавшись в фонарный столб. С трудом выдыхает, пересиливая шок от удара, и отлепляется от шершавого железа. Маленькие чешуйки краски остаются на ладонях, и Веррейн машинально стряхивает их, не отводя

взгляда от своего дома.

Дверь открыта настежь. На косяке – три глубокие царапины на уровне глаз и еще три – чуть пониже. Тварь ухватилась за него обеими лапами и ворвалась в дом.

Он осторожно касается торчащей щепки, пытается пригладить ее, поставить на место, но та выскользывает из пальцев и теряется под ногами. Веррейн никогда не умел ничего иного, кроме разрушения.

– Калли, – тихо зовет он, делает шаг внутрь и останавливается, прислушиваясь.

Тишина.

Успела уйти? Спряталась? Обиделась, что не примчался сразу? Да, он виноват, но должна понимать, что сейчас не стоит...

– Калли!!!

Он орет изо всех сил, глотку дерет сухим, приправленным пылью воздухом. Скулы сводит судорогой, и Веррейн замолкает, давится собственным воем. Как раз вовремя, чтобы услышать даже не стон, а слабый его отзвук.

Под ноги попадает складка ковра, когда Веррейн влетает в тесную, заставленную громоздкой мебелью гостиную. Таковую похожую на дом Калли в другом мире, другом времени. В камине уже почти прогорели угли, и ветер, влетевший в комнату вслед за Веррейном, сдувает с них хлопья белесого пепла.

Споткнувшись, он едва не падает прямо к коленям темно-

волосой девушки. Она сидит в кресле, бледная, как смерть, пытается поднять руку.

Живая, живая...

Веррейн подхватывает тонкую ладошку, прижимается к ней губами. Такая холодная, словно в венах Калли лед вместо крови. Устала, изменяла, защитилась... Ничего. Сейчас он заберет ее отсюда. Все позади.

Дождалась.

– Нет, – шепчет Калли едва слышно, когда Веррейн склоняется над ней, собираясь поднять. Она высвобождает руку, слабо, беспомощно толкает его в грудь.

– Калли, прости, – он хмурится, а в голосе проступает хрипкое рычание. – Я больше не брошу тебя. Пойдем.

Он не знает, что добавить. Не время для слов, не время для ссор, не время ни для чего, кроме...

– Уходи! – губы Калли синеют, взгляд плывет, и Веррейн наклоняется еще ниже, лихорадочно пытается нащупать потоки, чтобы не дать уйти, раствориться...

Демон, затаившийся в ее теле, взрывается темным дымным роем. Он поглощает Калли в одно мгновение и всей собранной мощью обрушивается на Веррейна. Им никогда не бывает мало, даже если сожрана изменяющая, девочка-недочка, только и способная, что отбиться от нескольких мелких врагов и впустить в себя старую, опытную тварь. Понять, что случилось, и удерживать ее, сколько сможет, чтобы хоть как-то помочь тем, кому не успели помочь другие маги.

Он плакал бы, если бы мог. Как тот червяк в створе высоких ворот, в грязи, перемешанной медвежьими лапами. В том мире, где Калли смеялась, танцевала, выходила обнаженная из ледяной воды. Там, где он должен был оставить ее, остаться с ней, забыть про изменение и никогда, никогда не позволить принять то же проклятие.

Но в груди бьется лишь сухое рыдание. Веррейн шарит руками по полу, пытаясь найти хоть одну нить, оставшуюся от Калли, хоть один волосок надежды. Вернуть, спасти, вернуть... Спасти! А под руки попадают только жалкие обрывки, из которых уже не создать ничего.

Калли...

Вокруг вьется серая потусторонняя мгла. Демон бесится, исходит злобой, набрасывается то сверху, то сбоку, не понимая, почему до сих пор жив этот жалкий комок плоти, почему он лежит, такой беспомощный и такой неуязвимый?

Рыдание становится смехом, и Веррейн выплевывает его прямо в тварь.

Изменение разъедает тело демона, будто кислота. Мощь Нексуса вырывается из тела мага, и противник исчезает, исчезает вместе с тем, что когда-то было Калли. С искрами, которые были ее смехом, ее слезами, ее руками и ее взглядом.

Дальше – провал. Полная пустота там, где должна быть память, как он поднялся, как вышел из дома. Веррейн снова стоит посреди улицы, и нити сил плавятся и дрожат, пытаются отодвинуться от тела мага. Изменение почему-то превра-

тилось в рой черных мух, и он удивляется краем сознания. Что это? Как это?

Надо... идти. Надо что-то делать.

Мгла кружится рядом, как преданный пес на коротком поводке.

Через несколько шатких шагов брусчатка под ногами выпускает очередную тварь. Но Веррейн не успевает даже взмахнуть рукой – коснувшись роя, демон рассыпается на таких же черных мух. Вливается в него, и мглы становится больше.

В голове будто горит огненный шар. Глаза опалает изнутри, мозг пытается закипеть, и Веррейн взмахивает рукой, пытаясь отогнать боль. Стена ближайшего дома взрывается от удара – рой разрушил ее, словно привычные плети изменения.

Веррейн смеется, и его шаги становятся увереннее. Спустя минуту он уже бежит, чтобы успеть уничтожить как можно больше демонов... всех!

Они слетаются, как мотыльки на огонь, и маг почти счастлив. Огонь выжиг все воспоминания, мгла застилает глаза, и он волен делать, что пожелает.

В какой момент он провалился в другую реальность? Неважно. Все серое, пустое. Звуки исчезают, как и должно быть на Грани. Мгла исчезла, но Веррейн знает, что делать дальше. Сила наполняет его, потоки взвиваются, когда маг отдает приказ, встают вокруг щитами, и ни одной твари не

пробиться сквозь них.

Снова провал. Когда сознание возвращается, Веррейн слышит голоса.

Шепот. Многоголосый, хоровой. Его окружили!

Маг бросается вперед.

Рты открываются на десятках перекошенных лиц, широко, в крике, но Веррейн слышит только шепот. Шу-шу-шу. То сильнее, то слабее, – волны, лижущие на песок. А лица неподвижны, как на групповом портрете.

Глаза печет, словно он не спал тысячу дней. Веррейн с силой зажмуривается, а когда поднимает веки – лица превращаются в пасти, оскаленные и жадные.

Он бьет в одну, в другую, но ему мало. Душу рвут на части не чужие зубы, а собственное оглушительное отчаяние. Чуть сильнее лишь ненависть к ярящимся вокруг сгусткам тьмы, и Веррейн спускает ее с цепи.

Он останавливается, когда энергия уходит, как вода в песок, оставляя лишь опустошение. Но вокруг нет больше никого, ни одной живой твари. Маг снова бредет куда-то, поскользывается, опирается на стену, чтобы не упасть, но рука скользит по мшистым камням.

Самого падения не вспомнить.

Веррейн открыл глаза и заставил себя сделать вдох. Дышать уже незачем, он сделал все, что мог. И потерял все, что мог. Что он вообще мог?

Куда больше, чем думал. А вот думать – не мог. Не маг.

Он потряс головой, пытаясь привести мысли в порядок. Хотя бы сейчас, раз в прошлом не получилось. Безуспешно – в этот раз он проиграл безумию.

Но все-таки... У демонов нет крови. Такой бурой, засыхающей на пальцах крошечными комками. Человеческой.

Калли...

Он рывком выдернул ладонь из лужи, но корка уже распустилась без следа. Осталась только грязь. Раньше Веррейн уничтожил бы ее одним лишь взглядом, но больше нет ни в нем, ни в мире вокруг и капли изменения. С реальностью все ясно, он сам выбрал все нити, нескоро теперь дыра зарастет... Но что с собственной силой?

У ноги копошился, будто обнюхивая ее, сгусток голодной тьмы. Веррейн машинальным движением развеял его, и это слабое усилие чуть не опрокинуло его обратно в темноту.

Он криво усмехнулся, уперся затылком в стену и кое-как перекатился на бок. Теперь можно встать, царапая ногтями осклизлый мох.

Его отлучили. Отлучили-отключили. Вынули ключик из игрушки и дождались, пока кончится завод.

Он замер, стоя лицом к стене. Что-то изменилось. Совсем рядом... звук. Редкая капель с глухим эхом.

Цоп.

Цоп.

Цо-цоп.

Веррейн всегда на слух определял, на что падают капли крови, с какой высоты. Но не в этот раз.

Медленно, как ушибленная улитка, он повернулся.

В двух шагах замерла массивная фигура в длинном, до земли, балахоне. Глубокий капюшон скрывал лицо, а в вытянутой когтистой лапе существо сжимало что-то округлое. Между чешуйчатых пальцев просачивались темные капли и, сливались и падали в грязь.

Цоп. Цо-цоп.

Пришелец склонил голову и разжал пальцы, предлагая Веррейну посмотреть на ношу.

Детская голова. Короткие волосенки облепили лоб. Сейчас они перепачканы бурой грязью, но когда-то были светлыми. Лица Веррейн не видел, и чувствовал себя вполне довольным таким положением дел. Если слово “довольный” вообще стоило применять к этой безумной ситуации.

– Что... зачем?

Он без магии знал, кто скрывается под капюшоном, и на что способно это существо. На любое количество детских голов.

– Это часть цены за силу Нексуса. За защиту города от демонов. Заплаченная сегодня Арканиуму.

На последнем слове голос Эремерта сорвался в шипение, и он бросил голову под ноги Веррейну. Маг вскинул руку, защищаясь, но брызги грязи долетели только до колен.

– Что вы придумали на этот раз?

Вместо ответа Эремерт в два шага очутился рядом. Когтистая лапа ухватила мага за лицо, когти впились в виски. Верейн заорал, вцепился в лапу пальцами, пытаясь отодрать... где там. Еще два удара сердца – и образы хлынули в сознание. Он смотрел чужими глазами, смотрел на то, чего лучше бы никогда не видел.

Дети, с визгом бегущие по узкой улице. Одеты в школьную форму – кажется, возвращались с занятий. Они побросали свои сумки, бегут изо всех сил, но маленькие ноги плохо справляются на скользкой мостовой. Кишка улицы вьется без единого перекрестка, она поймала детей в западню, и ни одна из дверей не открылась, чтобы их впустить. Наоборот – люди захлопывают их, лишь услышав крик, пытаются спрятаться за каменными стенами. Тени мечутся под ногами беглецов, будто пытаются оторваться от собственных хозяев.

Первым мчится светловолосый мальчишка в расстегнутой куртке. Впереди долгожданный перекресток, но, прежде, чем свернуть, он зачем-то оглядывается, подворачивает ногу и падает. Прочие дети проносятся мимо, дальше, быстрее, даже не пытаясь помочь другу. Он пробует встать и падает обратно, ползет к стене, чтобы убраться с пути... с пути... черной роящейся тучи, внутри которой с трудом угадывается человеческая фигура.

Изменяющий останавливается рядом с ребенком, склоняется над ним. Мальчишку крупно колотит от ужаса, он распахивает рот, чтобы закричать.

Черные мухи срываются с тела мага за доли мгновения, и крик умирает, не родившись. Тела у мальчика больше нет, только голова падает на мостовую и замирает. Под ней медленно расплзается лужица крови.

Рой возвращается на место. На перекрестке изменяющий сворачивает налево. Там шумит площадь, полная беженцев из квартала, в котором он раньше жил.

Видение гаснет после того, как когтистые пальцы сжимаются вокруг светловолосой головы и поднимают ее с мостовой.

– Я убил его...

– Его и еще два десятка человек на площади. Многие успели убежать, и большую часть ты не догнал.

Когти Эремерта разжались, и Веррейн упал на колени. Рядом с похожим на мокрый носок трупиком крысы.

Сгусток тьмы, который обнюхивал его ногу.

Горло сжали спазмы, наполовину рвотные, наполовину рыдания.

– Я же был на Грани, – прохрипел он.

– Ни единой секунды.

– Я убивал демонов! Демонов!

Вскинув голову, он заорал прямо в небо – сизое и низкое. Даже, скорее, завыл. В глазах потемнело, Веррейн почувствовал, как сознание опять плывет... хлесткая пощечина вернула остатки разума на положенное место.

– Владыка зря подключил тебя к Нексусу.

Веррейн кивнул раз, другой, принялся истерически мотать головой вверх-вниз. Да, да. Он не виноват. Всего этого могло не быть, если бы не Глава. Если бы не Калли.

Если бы демоны не прорвали реальность, если бы не явились к его порогу, они бы... они бы любили друг друга сейчас... пили чай... пробовали парное изменение... ссорились... шли на рынок за колбасой, она опять не приготовила ужин... все вместе. Можно, пожалуйста, можно мне перепутать время, чтобы Калли была в будущем, а не прошлом?

– Что теперь? – Маг поднял голову, глядя перед собой неожиданно разумным взглядом. – Ты убьешь меня? Давай. Скорее.

– Нет, – Эремерт одним резким движением сбросил капюшон за спину. – Закончу начатое. Ты же пытался попасть на Грань?

Вокруг Веррейна снова взвился черный рой. И, как прежде, выбрал целью не демона.

Еще не демона.

Тьма втянулась внутрь мага, парализовала и тело, и волю. Эремерт вздернул Веррейна за шкирку, как котенка, взмахнул свободной рукой и исчез из грязного закоулка вместе со своей ношей. Лужа у стены пошла крупной рябью, и у поверхности ненадолго показались кончики волос.

Спустя час толпа вокруг Арканиума взвыла.

Веррейн вздрогнул. Плеча что-то коснулось, и он, еще не

вырвавшись из лап памяти, вскочил и рывком развернулся, зная, что и в этот раз, в сотый, в стотысячный, на землю упадут чужие оторванные руки. Некому быть нежным на Грани.

Но надежда... она всегда вспыхивала.

Темноволосая, прискорбно знакомая девушка отпрыгнула на пару шагов и выставила перед собой ладони в защитном жесте. На кончиках пальцев плясали крошечные искры, но сама Аори, похоже, их не замечала.

Хорошо, что Веррейну больше не нужно было дышать. Когда он увидел один только силуэт, когда понял, что рядом – не тень в его сознании, а кто-то живой... живая, белое платье, торчащие из-под него коленки...

И – узнал. Невозможно дышать, когда грудь выжжена изнутри.

– С возвращением, – пробурчал волколак и пригладил вставшую дыбом на затылке шерсть. – Ты окончательно головешкой двинулась – ко мне подкрадываться?

Помедлив, Аори опустила руки и грустно усмехнулась.

– Так получилось, – она отвела взгляд, стоило Веррейну сделать шаг вперед. – Наверное, потому что должно было получиться.

– Ты как меня нашла?

Злость, яростная злость накатила, и за разочарование, и за дурацкие фразы, и за то, что в очередной раз придется менять свои планы, решать чужие проблемы. И плевать, что не было у Веррейна никаких планов.

Бросить глупую девчонку, чтоб сама... Справлялись же как-то первые изменяющие?

Он вздохнул. Да, дышать не обязательно, но так привычно.

– Не знаю. Просто почувствовала, что это место... какое-то другое. Не пустое.

Аори оглянулась, будто сомневалась в собственных словах.

Невысокий обрыв тянулся, насколько хватало глаз, над широкой, спокойной рекой. Почти весь берег был усыпан крупной гладкой галькой, но край затянул выюнок, свесив вниз длинные зеленые пряди. Там, где недавно сидел Веррейн, листья едва заметно шевелились, расправлялись навстречу невидимому солнцу. Облака над головой светились сами по себе, и невозможно было понять, есть за ними небо или нет. Над самым горизонтом из мглы подмигивала игриво единственная звезда.

“Я ни разу не видела на Грани солнца, – безразлично подумала Аори.”

За ее спиной начинались густые заросли, куда выше девичьего и даже волколачьего роста. Ни одного листка не осталось между шипами терновника, но тихий шелест доносился отовсюду, наплывал волнами, словно под порывами ветра.

Она очнулась где-то там, на крохотном пяточке среди колючих веток и, когда осмелилась протянуть к ним руку, кусты сами раздвинулись, открыли узкую тропинку к берегу. И

к волколаку, настолько поглощенному мыслями, что он даже не заметил ее приближения.

Аори коснулась его разумом раньше, чем пальцами, и успела увидеть ее – Каллике. Измученную девушку, из последних сил протянувшую руку навстречу.

– Любая адекватная изменяющая будет держаться подальше от того закоулка Грани, где кто-то есть!

– Я говорила, что адекватная? И что изменяющая?

– Гррр!

Волколак прыгнул настолько быстро, что Аори не успела не то, что понять, а даже увидеть. Вот он стоит, сутулится, смотрит на нее исподлобья, а в следующее мгновение уже держит за плечи обеими лапами и едва не тычет в лицо оскаленной пастью.

Сколько раз ей советовали с ним не связываться?

– Заткнись и делай, что я тебе скажу! Ты просто не понимаешь, ни на одну каплю не осознаешь, насколько тебе везет! Тебе не надо ползти к маяку, пытаясь не стать едой, не надо драться, не надо выживать, а единственный встречный демон будет пылинки сдувать с драгоценной человеческой шкурки!

Веррейн встряхнул девчонку, пытаясь добиться хоть взгляда. Но Аори даже не подняла головы, и это взбесило его еще больше.

– Да, повезло. Никогда не думала, что так повезет.

– Обеспечить стандартную программу? – прошипел Вер-

рейн и разжал лапы. Девчонка пошатнулась, но не упала.

– Да не нужно мне от тебя ничего!

– А чего приперлась?

Аори промолчала. Не рассказывать же, как сжалось сердце, когда она увидела сгорбленную черную фигуру на краю обрыва. На самой кромке, так, словно Веррейн собрался кулем свалиться на ровную стеклянную гладь реки, то ли закованной в лед, то ли смертельно спокойной, неподвижной, как светящееся небо.

Она почувствовала его. Одиночество, страх, ярость на грани безумия. И то, как теперь изменился взгляд волколака, подсказало, что и он умеет чувствовать.

– Я уже привыкла, – Аори подняла глаза и улыбнулась, грустно и несмело. – Привыкла, что я не одна. Что есть, кому помочь и спасти. И все еще не понимаю, зачем я тебе.

– Э-хм, – глаза волколака забегали, – я же говорил?

– Если я что-то и поняла за последнее время, то лишь то, что ничего не происходит просто так. Или я должна стать чем-то конкретным, или что-то должна сделать для тебя. Веррейн, знаешь... Ты можешь просто сказать. Я сделаю.

– Удивлен, – он озадаченно поморгал и медленно, беззвучно переставляя лапы, двинулся вокруг Аори. Она проследила за волколаком взглядом без особого беспокойства и не обернулась, когда он оказался за спиной. – Что с тобой?

– Какая разница?

Показалось – или сбоку в кустах что-то мелькнуло? Вер-

рейн, кажется, ничего не заметил.

– А хочешь, – он положил тяжелую морду ей на плечо, – я немножко, чуточку, поправлю твою память? Не сотру, но сделаю прошлым, прошедшим?

– Забавно, – она подняла руку и осторожно почесала мохнатый подбородок, прижавшийся к ее щеке. – Глава не спрашивал в свое время.

Веррейн довольно зажмурился, всего на секунду.

– И это сделало тебя несчастной?

– Да.

– Ты бы отказалась?

– Да.

– А сейчас? – он потерся щекой об ухо Аори.

– Нет, – прошептала она.

Демон оскалился и рассыпался роем мелких черных мух. Все они ринулись в Аори, и она вскрикнула от пронзительной боли – невидимый портной воткнул в нее миллион игл, прошил тело крепкими нитями. Но тьма, пройдя насквозь, вырвалась спереди и снова превратилась в ехидно скалящегося волколака.

И что-то прихватила с собой.

– Что это? Что ты сделал?

– Только то, что обещал, оленьшка. Изменяю, как могу.

– Почему ты стал демоном после смерти?

– После смерти мы все супчиком становимся. Те, кому не о чем жалеть, растворяются и снова рождаются. А такие, как

я, страдают дольше. Если повезет, если хватит сил, мы обре-таем тела. Изменяющие всегда в телах, с телами, мы не можем развеяться и живем тут, пока не сходим с ума. Окончательно!

Он расхохотался, повизгивая на высоких нотах.

– А те, кого ты убил?

– Злой супчик! Все туточки, все рядом, кое-кто по несколько заходов! Или ты думаешь, меня самого не убивали ни разу?

– И долго ты оживал? – Аори буравила волколака пронзительным взглядом.

Веррейн разом захлопнул пасть и отвел взгляд.

– Мне... помогали, – нехотя выдавил он.

– Наверное, теперь тут много Теней, – горько заметила Аори.

– Этих, серых? Мало.

– Почему?

– Та демоны их знают.

– А ты, прости, кто?!

– Ладно, уела, – фыркнул волколак. – Они умерли, выполняя долг. Они не видели ничего неправильного в этом.

Снова короткое движение на самом краю зрения. Что-то небольшое, может, мелкий демон, с кошку размером.

Нет, не может быть.

– Веррейн, любая изменяющая попадает на Грань после смерти? Без разницы, как она умерла?

Шерсть на всем волколаке вздыбилась волной, он задрожал, крупно, как от озноба.

– Каждая душа должна, каждая! – Он заскулил, будто пытался всхлипнуть и не мог, лишенный человеческого обличья. – Но Калли здесь нет. Я искал в каждом уголке, в каждой щели. Я бы землю рыл, если б знал, что она там. Я не могу ее найти, Аори, столько лет. Ее не стало.

– Что случилось? Ее наказали, как тебя?

– Зачем ты спрашиваешь? Я уже один раз сошел с ума, был на грани, с такой маленькой буквы грани... Так стали говорить из-за меня, после меня. Быть на грани, не тут, не там, запутаться и не принять решения. Видеть демонов и убивать людей... На Астраль напала дикая стая, я сидел в башне третий день, не хотел видеть Калли, не хотел извиняться, не хотел ползать у ее ног. А любовь – это не брат. Это давать, отчаянно, не зная, что же отдать еще! Аори, я бежал, я мчался, я просил всех богов – хоть бы не наш дом. И я словил только ее тень. Калли сожрали у меня на глазах, и ее душа исчезла, выскользнула из пальцев.

Волны дрожи все учащались, глаза волколака разгорелись алым.

Мы слишком слабы, поняла Аори. В нас нет того, что есть в Лейте, в Реодоре и Лане, в тысячах других людей. Мы не умеем пропускать удары судьбы и не умеем бить ее первыми. Мы встаем на пути всего, что встречаем, мы ломаемся и уходим в безумие, лишь бы больше не думать, лишь бы

не чувствовать ошеломляющую боль там, где другие простожимают плечами.

Мы бежим от всего, от чего можем бежать, зная, что любая волна накроет нас и поглотит.

– Разве ты был единственным магом? Вы спасли город и всех, кого могли спасти.

– Я должен был беречь именно ее! Быть рядом! Она пришла из другого мира не для того, чтобы так умереть!

– Это важно? – Аори, закусив губу, пнула босой ногой крупный голыш. Тот даже не пошевелился.

– Да плевать, что она там значила для Австрали! Она пришла для меня, она нужна мне, я сам забрал Калли у Арканиума, чтоб не смели морочить ей голову предназначениями и миссиями!

Взвыв, Веррейн с размаху вонзил когти в землю. Камни полетели во все стороны, и Аори рывком бросилась назад, туда, где качнулись сухие ветви, где в просвете мелькнул покрытый рыжей шерстью кошачий бок.

– Сиэ!

Заросли терновника расступились, образуя тропинку. В ритмичный шелест вплелся хруст сломанных веток, и Аори поспешила на звук. Дорожка вилась, как змея в воде, петляла вправо и влево. На каждом изгибе мелкие черные шипы цепляли подол белого платья и тут же отпускали, оставляя тонкие длинные порезы на ткани и, иногда, на коже.

– Стой!

Позади заорал волколак, но Аори даже не обернулась. И не увидела, как перед его носом сомкнулись кусты, зарастившие узкую тропинку и снова зашелестели без единого порыва ветра.

Сердце колотилось в груди, как бешеное, глаза наполнились слезами. Аори поскользнулась, едва не упала, ссадила кожу на ладони, но не остановилась, спешила так, будто от этого зависела чья-то жизнь.

Вой Веррейна вскоре затих, голыши перекатывались под ногами, теплые и чуть шероховатые. Бежать по ним было легко и ничуть не больно, но Аори никак не удавалось догнать неуловимую тень. Она мелькала справа, слева, будто нарочно показываясь и снова исчезая.

И, в какой-то момент, исчезла совсем.

– Сизэ, вернись! – закричала Аори в отчаянии. Рыдание перехватило горло. – Сизэ!!!

Плотные стены кустов расступились, и она с разбегу вылетела на подобие перекрестка.

Три извилистых пути, и каждый скрывается из виду спустя несколько шагов.

Тяжело дыша, Аори завертела головой, пытаясь понять, где очутилась. И куда делась тень, которая ее вела.

– Сизэ? Это ты?

Ни звука в ответ, только монотонный шелест. С каждой новой секундой он казался Аори все более зловещим. Она бросила короткий взгляд в небо – облака на нем не двига-

лись, все так же посылая вниз блеклый рассеянный свет.

И под густыми ветвями терновника – ни единого пятнышка тьмы.

“А если это была не Сиэ, а другое существо? Которое стало на нее похожим, чтобы выманить меня из-под бока Веррейна? Надо вернуться, пока не поздно.”

Сглотнув, Аори сделала шаг назад. Тела коснулись шипы, чуть слышно хрустнули ветки. Она медленно оглянулась.

Сплошная колючая стена, и на уровне груди – обрывок белой ткани. Единственный знак, что когда-то здесь была тропинка. Аори осторожно сняла лоскуток и скрутила в комок непослушными, заледеневшими пальцами.

– Ну нет, – пробормотала она. – Не в этот раз. Я просто пойду вперед, и ничего не выскочит из-за угла или из-под ног, и земля не превратится в лаву, и... О, боги. Веррейн!!!

Она заорала изо всех сил, отчаяннее, чем раньше, пытаясь догнать Сиэ. Но крик увяз в зарослях, так же, как и изодранный подол платья. Аори дернула его раз, другой, чувствуя, как накатывает паника. Добро пожаловать на поздний ужин, демоны дорогие, он тут пришпилен в лучших традициях музейной бабочки.

А даже если освободиться, что она может сделать? Никто не успел научить изменять, а тот жалкий фокус, показанный Веррейном, скорее приправит основное блюдо, как специя, чем кого-то отпугнет. Аори дергала снова и снова, но ткань держалась, выскользывала из вспотевших ладоней.

Сколько раз уже так было? Запертый класс и смеющейся Учер, капсула в “Химере” и легкие, заполненные гелем, которым больше нельзя дышать, горячий воздух Шед, майд на жалком катере посреди моря, Тройн, кинжал под ключицей...

Каждое новое воспоминание искрой вспыхивало внутри. И, будто душа оказалась кувшином, они заполняли ее вместо изматывающего страха.

Что с ней сделали? Кем она стала?

Неважно. Все уже закончилось. Она боялась всю жизнь потому, что надеялась. Но больше нет надежды и хуже тоже не может быть.

Зачем тогда осторожность?

Аори улыбнулась уголками губ, поняв, что внутри смешались злость и безразличие. Перестав дергать платье, она несколькими резкими ударами сломала ветки. Те осыпались крошкой, словно сделанные из матового хрусталя.

И три дороги вперед. Интересно, на каждой что-то свое, или неприятностей слишком мало для полноценного выбора?

– Мне надоело бояться, слышите? – закричала Аори, поворачиваясь из стороны в сторону. – Идите сюда!

Источник в животе, да? Там и впрямь тепло, словно внутри пригрелся солнечный зайчик. Но, когда она попыталась брызнуть искрами, как показывал волколак, они вылетели из солнечного сплетения. Огни почему-то оказались бирюзовы-

ми – и такое же бирюзовое свечение понемногу угасало в груди, сворачивалось еще одним источником, плотным и горячим.

Искры плясали вокруг, но никто так и не явился. Разозлившись на такое безразличие, Аори взмахнула рукой, и они взмыли в небо и истаяли над головой, словно фейерверк на годовщину коронации. Стоило ей сделать шаг вперед, как черные шипы на кустах внезапно расправили крохотные крылья и вспорхнули следом стаей тонких.

– Вы сами боялись меня, – удивленно прошептала Аори и шагнула на ту дорожку, с которой улетели крохи.

Когда она добралась до поворота, под ногами зашевелилась, заворочалась земля. Аори вскрикнула, попыталась отпрыгнуть, но слишком поздно. Тропинка превратилась в склон, голыши потекли по нему, как живой каменный ручей, увлекая за собой девушку в белом платье.

Не удержав равновесия, Аори упала. Локоть прострелило болью, когда он встретился с камнями, теплые голыши то и дело прикасались к коже, словно маленькие любопытные зверьки. Они катились вниз все быстрее и быстрее, уже не ручьем, а настоящим горным обвалом. Кусты остались позади, и склон, похоже, становился все круче.

Камни начали подпрыгивать, ударяться друг о друга, словно пытались изобразить пену. От грохота звенело в ушах, поднявшаяся пыль отрезала от мира, забралась в нос и рот. Закрывая лицо руками, Аори кашляла и отплевывалась,

не в состоянии думать о чем-то, кроме попытки вдохнуть.

Обрыв она заметила лишь благодаря затихающему грохоту. Гольши переваливались через край и исчезали без единого звука. По центру потока, на самом краю, торчал выступ скалы, и Аори вынесло прямо на него. Удар пришелся в бок, выбил дыхание, тело развернуло и бросило в пропасть, но в последний момент она успела ухватиться за острую, режущую кромку. Аори сжала пальцы изо всех сил, не обращая внимания на боль. Будь валун помягче, она бы и зубами впилась. Пустота под ногами вдохновляла, как никогда.

Гольши били по плечам, по голове, катились вниз и тянули за собой. Стискивая зубы, Аори принялась подтягиваться, цепляясь за почти незаметные трещины в скале.

Как когда-то давно, в прошлой жизни, под улюлюканье других курсантов. Кто из них добрался наверх первым и отцепил страховку?

– Ну уж нет, – процедила сквозь зубы Аори. – Делала это раньше, смогу и сейчас... Ах!

Кровь из порезов залила пальцы. Сначала соскользнула правая рука, и удержаться на одной левой смогла бы только Тень, которой она давно не была.

С громким криком Аори сорвалась. Гольши, как настоящие порождения Грани, тут же исчезли без следа, но вот свеженькая изменяющая таким фокусам еще не научилась и полетела вниз, как в реальности.

Disturbed. A reason to fight.

2

Педантичность Криш раздражала в ста случаях из ста, но Лейт сдерживал себя. Приказывать изменяющей вышшего порядка.... Заманчивая идея с минимальными шансами на успех. Бесплезно даже просить, пусть даже речь пойдет всего о паре минут.

Но вот Аори... Аори дулась несколько дней, буравила взглядом сначала спину Криш, а после ее ухода – дверь. А потом, набравшись смелости, – вспыхнула, вскочила, подняла перепуганные глаза и выпалила:

– Неужели так сложно уйти позже? Ты же знаешь, что нам нужна помощь!

– У меня нет времени, – бесстрастно, как всегда, отозвалась Криш.

– Что ж это за хренотень такая, что у тебя ее вечно нет?

Уголок тонких губ дернулся, словно изменяющая проглотила собственную усмешку раньше, чем та успела родиться.

– По сути, ничто. Это измерение существует, лишь пока есть наблюдатель. Ты, я... Пока есть состояние, в котором мы находимся. Понимаешь? Время разное для ребенка на скучном уроке и для него же, играющего на улице с друзьями. Мы сами его придумали, приняли за эталон некое среднее состояние. Взяли событие, поделили его на равные доли

и называли секундами, часами... Но если взять разные события, что тогда, Аори?

Она молчала, закусив губу и глядя исподлобья.

– Ключевые события длятся всего несколько секунд. И каждая из них включает в себя огромный объем информации. Но как же успеть его осознать?

Изменяющая помолчала, ожидая ответа. Поправила ремень сумки, сползающий с плеча. Лейт неожиданно подумал, что, если они найдут верный ответ, Криш перестанет уходить по часам, станет частью их маленькой и порой такой беспомощной команды...

Но ответа не было и у него. Никогда таким не интересовался. Да и не будет. Зачем?

– Третья составляющая. Наблюдатель, без которого нет времени, – вздохнула Криш. – Он... как бы сказать понятным тебе языком... меняется сам, начинает обрабатывать информацию в несколько раз быстрее. Об этом в кино, помнится, говорят штампами типа “время замедлилось, стало вязким”, да?

Лейт пожал плечами – с ним такого никогда не происходило.

Никогда прежде.

Узкий переулок до последнего удерживал в себе рев мотора и свет фар. Лейт заметил слабый отблеск на асфальте в последнее мгновение, и тело вдруг стало непослушным, ват-

ным. Он начал поворачивать голову – но медленно, будто оказался в густом, вязком геле, в котором топили эрг-пилотов.

Свет справа приближался так же неспешно, кажется, второй водитель тоже попал в это заклинание.

Заклинание ли?

Воспоминание о Криш прошло мозги, как электрический разряд. И прочистило их не менее эффективно.

“Ключевое событие. Способность обрабатывать информацию.”

Он изо всех сил вцепился в руль и рванул его навстречу выплывающему из переулка серому внедорожнику. Рванул так, словно можно было успеть и изменить законы физики вслед за непостоянным временем.

В груди взорвался огненный клубок – такой же, как тот, что пожирал его в храме. Только теперь вместо ладони короля под руками был руль, а под ногами, вместо досок настила, – педали. Старая, простая как грабли машина, даже не оборудованная для инвалида.

Он стал ее частью, ее центром. Особенность Ори прокапталась по венам, впаяла его в кабриолет, сделала системой управления, а не человеком.

Колеса развернулись первыми, срываясь с креплений, потянули за собой руль... он вырвался из судорожно сжатых пальцев с такой скоростью, что обжег их. Маленькая синяя машина почти успела развернуться, подставить капот вместо

беззащитного бока... почти.

Внедорожник врезался в крыло, вгрызся в него, как хищник в тело жертвы, пытаясь добраться до внутренних артерий. Осколки фары брызнули, будто капли крови, согнулась передняя стойка, покрылось трещинами и вылетело наружу лобовое стекло.

Громко завизжали тормоза внедорожника – включились сами, без команды, исторгли из-под арок целые фонтаны искр. Водителя бросило на руль, и совсем рядом Лейт увидел темные стекла очков. Мгновение спустя они слетели с лица.

Стальная дуга уперлась в каркас кабриолета, сцепилась с ним... и синяя машина окончательно развернулась и заскользила на вывернутых колесах поперек дороги, не устояв перед набравшей разгон серой машиной.

Лейт застонал. По губам стекала кровь – хлынула из носа от последнего усилия. Боль оглушала, отбирала способность даже не действовать – думать.

“Хватит... хватит! – закричал он мысленно”.

Особенность Ори растворилась без следа, и время пошло своим чередом, стряхнув с плеч неумелого наблюдателя.

Густая тень накрыла кабриолет, и спустя мгновение багажник смялся в гармошку. Сработал всего один фиксатор – прижал плечо к сидению почти до хруста, но вот второй свою работу не выполнил. Лейта швырнуло вбок, и висок встретился со стойкой.

Осколки стекла сыпались вокруг, как диковинный дождь.

Один чиркнул по щеке, оставив неглубокий порез. Лейт даже не пошевелился. Он замер в скорчившемся, как дохлая гусеница, кабриолете.

Ни звука не осталось на пустынной улице. Струйки то ли дыма, то ли пара выбирались из-под сцепившихся машин и растворялись в воздухе.

Водитель серого внедорожника с кряхтением выпрямился, быстро, настороженно огляделся. Никого. Он нервно отер лысую голову ладонью и попытался завести заглухший мотор. Но тот умер после несильного, по сути, удара.

Лысый заскрежетал зубами. Демоны! Он же все просчитал! Кабриолет должен был перевернуться и доехать до витрины в гордом одиночестве, размазав мозги цели по асфальту!

Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Опустив руку, лысый коснулся боковины сидения. Датчик опознал отпечаток, и секунду спустя ткань разошлась под пальцами. Водитель аккуратно вынул пистолет из потайной ниши, потянул с шеи бандану и закрыл ей нижнюю часть лица. Злость уже отступила, оставив после себя рабочее равнодушие.

Сам виноват. Не стоило выделываться. Надо закончить начатое, и поскорее, пока не явились стражи.

Когда лысый спрыгнул с подножки внедорожника, под его ботинками заскрипела стеклянная крошка. Он поднял пистолет, целясь через выбитое лобовое, но парень лежал криво, откинув голову за сидение.

Легко промазать... Может, и не надо? Похоже, шею сломал.

Хмыкнув, лысый двинулся в обход своей машины. Убийца был известен, хоть и в узких кругах, тем, что не провалил ни одного дела. И, не в последнюю очередь потому, что скрупулезно продумывал каждую деталь. Начиная от грязи на подошвах сапог и заканчивая тем, какой рукой цель держит руль. Он шел по следу, будто гончая, и не только ради денег. Ради экстаза, который заставляет тело дрожать, когда зубы смыкаются на горле жертвы и горячая, отдающая металлом кровь стекает по подбородку.

Лысый усмехнулся, поймав себя на нестыковке. Паршивата гончая, что сама давит жертву. Но экстаз от убийства у него за двоих.

Стараясь не высовываться, он обошел внедорожник. И едва удержался, чтобы не выругаться в голос. Иногда ему не давали времени на подготовку, и приходилось доверяться заказчику, но этот, этот его никогда не подставлял. Никогда раньше, а лысый очень не любил сюрпризы.

Что ж, увеличение количества работы тянет за собой увеличение количества оплаты. Награда и так была высокой, почти заоблачной, но после этого заказа придется надолго отойти от дел и скрываться от всех Баго, вместе взятых. А уж в двойном размере... может, пришло время задуматься о пенсии?

Он, сам того не замечая, начал кусать губы. Но пистолет

не дрожал, когда лысый прицелился в ближайшую мишень.

Край скалы мелькнул перед глазами и пропал, превратился в темную полосу на фоне светящихся облаков. Где-то там, наверху, насмешливо подмигнула одинокая звезда. Сколько она видела таких юных и самонадеянных, задорных, грустных, одиноких, отчаянных и отчаявшихся? Не сосчитать.

Аори сжалась, готовясь то ли к боли, то ли просто к окончательному мраку. Падение все ускорялось, вжимая клетки тела друг в друга, и в какой-то момент ей показалось, что и тела этого больше нет, что осталось только разрывающее, невыносимое чувство извращенного полета, и это и есть смерть.

И все закончилось.

Не ударом, разрывающим на части тело, которое, все же, у нее осталось. Нет. Скорее, толчком, пружинящим и мягким. Бережным.

Аори медленно открыла глаза и почувствовала, что снова падает, снова теряет сознание от того, насколько невыносимо стало существовать.

– Ты опять меня словил, – прошептала она и прижалась лицом к натянутому в черную ткань формы плечу. Вокруг бесконечной стеной вздымались серые скалы, но Аори не волновало, есть ли над головой или под ногами что-то, кроме бесплотной тьмы.

Сколько времени прошло с тех пор, как он рассыпался

разноцветными искрами под лапами Веррейна? Два дня? Один? Неделя? Как вообще течет время на Грани?

Если вспомнить все, что успело случиться, кажется, что мимо пронесли годы. И, похоже, не только для нее. На руках Аори держал вовсе не призрак. Каждая черточка, даже взгляд непроницаемо черных глаз, даже тепло рук – все настоящее.

Или она сама – не более, чем тень?

Тень. Куда уж менее.

Аори осторожно коснулась его скулы – самыми кончиками пальцев. Грудь свело бессмысленным, нутряным ужасом. Что, если он растает, как очередная шутка Грани, и все, что останется – короткий полет на дно пропасти? Что, если превратится в очередную безмозглую тварь?

Ужас не от того, что можно умереть. Но снова получить надежду, снова поверить и снова потерять...

Он осторожно наклонился и поцеловал ее в лоб. И аккуратно опустил на землю, хотя мог бы держать вечность.

– Тар... – в горле першило, к губам прилипла пыль. Голос и так никогда не был нежным, а теперь хрипел и срывался. – Это правда ты?

Он улыбнулся, горько, словно признавая собственное поражение. Губы шевельнулись, будто капитан пытался что-то сказать, но Аори не услышала ни звука. Она так и не убрала руку с его щеки, замерла, желая лишь одного – чтобы этот момент не заканчивался.

Тарги тряхнул головой, зажмурился, и, когда снова открыл глаза, сознания Аори коснулся его мыслеобраз. Яркий и полный. Обещание: я никогда тебя не оставлю.

– Ты не можешь говорить...

– Это обычно немало времени занимает – заново научиться, когда ты умер, – ехидно прокомментировал из-за спины знакомый голос.

Аори обернулась за доли мгновения, но Тарги двигался куда быстрее – одним движением он оказался впереди, готовый защищать ее от всего, что может предложить взбесившаяся Грань. Тьма сгустилась вокруг его рук, стекла вниз и превратилась в то ли мечи, то ли кинжалы... они так и не приобрели определенной формы, но Аори не сомневалась, что Тень убьет даже демона. В его руках жила воплощенная ненависть.

Тысячу лет назад Тар упомянул, что прекрасно владеет парным оружием.

– О, ты тоже меня помнишь! – Веррейн радостно взвизгнул и развел руки в шутовском поклоне. – А ну-ка, дай сюда оленьшку. У меня диета, сыроедение, между прочим. А она тут в отбивную превратиться пытается...

– Не смешно, – буркнула Аори и попыталась обойти капитана, но он рукой перегородил ей путь.

– Очень даже смешно, – что-то изменилось в Веррейне. Усмешка пропала с морды, алые буркала неотрывно следили за Тенью, а рычание в голосе совершенно противоречи-

ло словам. Волколак медленно двинулся по широкому кругу. Тарги не шевелился, только лезвие в свободной руке поворачивалось вслед за демоном, будто стрелка компаса.

– Веррейн, не надо!

– У тебя три шага, следи за мной, – прорычал волколак, не обращая внимания на Аори, и опустил на все лапы. – Потом я заберу девчонку, а от тебя на этот раз и лужицы не останется!

Она не видела лица капитана, но поняла неведомо как, что он улыбнулся.

В следующее мгновение его уже не было рядом. Веррейн, не сделав еще ни шага, недоуменно поднял морду, и тут же метнулся вбок. Черное лезвие мелькнуло там, где только что стоял волколак. Он развернулся в кувырке, высекая когтями искры из камней, взъерошился и с вечной безумной радостью бросился в бой.

Они сцепились, как два диких зверя, как два демона. Как две души, которым больше не на что надеяться, но еще есть, за что сражаться. А причина стояла, сжимая кулаки, и смотрела, не отводя взгляда. На то, как вспыхивает сталь, которая никогда не была сталью. Как блестит длинная шерсть в слабом свете сияющего неба. Как вздрагивает земля, когда, оттолкнувшись от отвесной скалы, на нее рушится волколак. Как смазываются черты любимого человека, когда он с непостижимой скоростью уходит от удара и наносит в ответ свой, и кинжал высекает искры то из камня, то из когтей, каждый

из которых – такое же оружие.

И ни слова, ни вздоха, но вместо того – шквал образов, полных первобытной, темной ярости. Они обрушились на Аори сверху, как водопад из теплых гольшей, прибывая к земле, принуждая закрыть глаза, упасть, сжаться и встать лишь тогда, когда останется тот, кто не ошибется.

Или не останется никого их тех, кто пытается ее спасти.

Водопад остановился. Замер, как замерло все вокруг. И пришел в движение, когда Аори закричала.

Противников разбросало в стороны, как большие игрушки. Плюшевого волка и безликого солдата из потерянного набора. Земля и скалы дрожали, едва удерживая поток звенящей силы. Тьма вырывалась из тела и неслась прочь, и тысячи бликов, словно инвертированные тени, плясали на камнях.

Аори пришла в себя, стоя на коленях. Тар обнимал ее за плечи, изо всех сил прижимая к себе. И он тоже встал на колени. Для нее, снова. Он, который никогда и ни перед кем не склонялся.

Оказывается, и на Грани можно рыдать. Горько, взхлеб, вцепившись обеими руками в черную куртку и не оставляя на ней следов. Тени не меняются, когда нечему светить.

– Что вообще происходит? – волколак приблизился, заметно припадая на задние лапы. – Чем он так тебе важен, что ты готова убить и меня, и себя, и всех вокруг? И чем ты так важна, что он готов сдохнуть?

– А ты бы не умер ради Калли? – Аори, всхлипывая, высвободилась из объятий Тарги. В этот раз он не стал ее удерживать.

– Ну...

– Вот и он... Уже...

Она не нашла в себе сил продолжить, но Веррейн понял. Молча смотрел, как она пытается подняться – не с первой попытки и цепляясь за чужое плечо.

– Я первый раз видел, чтобы демоны по своей воле совалялись в центр взрыва. Аорь, а как же твой маяк?

Слезы и непонятные силы кончились, остались лишь горечь и бессилие.

– Будет жить долго и счастливо, станет Главой рода. Женится, заведет детей. Забудет меня, как страшный сон. Что хорошего я ему принесла?

– Жизнь, как минимум, если мне память не изменяет, – Веррейн почесал за ухом, и Аори только теперь заметила, что он рассечено почти до основания.

– Которую потерял из-за меня?

– Ты переоцениваешь свою роль в последних событиях, – поморщился волколак.

Тарги, похоже, временно смирился с его присутствием. И, догадавшись, что Аори и дальше будет игнорировать его немые вопросы, развернул девушку к себе лицом и заглянул в глаза, выразительно приподняв брови.

Она представила, что ей предстоит рассказать, и отвела

взгляд.

– Тар, пожалуйста...

Капитан молчал, такой же немой, как камни под ногами, как небо, как кривое ущелье, в котором они оказались. Скалы расступались вдаль, пропуская мерцающий свет. Они оказались не сплошными стенами, а, скорее, изломанными гребнями спящих чудовищ.

– Арггх, поддерживаю. Тар, пожалуйста!

– Веррейн!

– Да-да?

– Можно тебя попросить?

– Можно!

– Исчезни, а? Что ты ко мне привязался?

– С каких пор ты справляешься без моей помощи? – расхохотался Веррейн.

– С чем? – рот Аори зло искривился, когда она подскочила к волколаку, сжимая кулаки. Откуда только силы взялись. – С чем мне справляться? Что тебе от меня надо?

– С возвращением, дурочка. Или ты снова придумала, что умерла?

Она поперхнулась и застыла, хлопая глазами.

– Ой, не могу! – Веррейн хохотал так, что аж слезы на глазах выступили. Или он старательно изображал, как их вытирает. – У тебя вообще нет фантазии, оленьшка!

– Но... Но...

Сгибаясь от смеха, волколак протянул лапу и похлопал

Аори по плечу. В следующее мгновение он сдавленно хрюкнул, отдернул конечность и выпрямился, оборвав смех.

Тарги стоял рядом, и взгляд затянутых чернотой глаз обещал Веррейну все самое нехорошее. Кинжал медленно истаял, и капитан разжал кулак.

– Дранный демон, – буркнул Веррейн и засунул в пасть украсившийся длинным порезом палец. – Уже и пожмеяжжа нежжя... Ждо ты пожеднее помнижж?

– Что?

Вздыхнув, волколак в последний раз облизнул пострадавшую конечность и сложил лапы на груди.

– Что ты последнее помнишь?

– Мы были в Северном храме. Я, жрец, король... и другие. Кто-то бросил кинжал в короля.

– Кто-то?

– Тройн. Он показывал мне этот кинжал.

– И ты подставилась.

– Но я не хотела, я даже не заметила, что случилось! Подожди, откуда ты знаешь?

– Храмы строят не на пустырях, – глухо отозвался Веррейн. – И гармонии посвящают не просто ради красивого слова. Все, что в них происходит, – должно произойти. Назови это судьбой или волей мира, как больше нравится. Мир использовал тебя потому, что король не должен был умереть в тот день. Как и любой другой, кто был в храме.

– А я?

– А ты – изменяющая на пороге инициации. На Грань отправили ту, что так и так должна была на ней оказаться. И вернуться. Ты вернешься, поняла? Вернешься, чего бы мне это ни стоило!

– Чего бы мне это ни стоило, – эхом отозвалась Аори. И Тарги беззвучно пообещал вслед за ними.

– Люблю, когда ты говоришь глупости, – ухмыльнулся Веррейн. – Кстати, на будущее, хех. Если в очередной раз решишь, что навеки переместилась в нашу скорбную обитель, внезапная немота будет тому подтверждением. Какое замечательное, спокойное, тихое время наступит... Жаль, ненадолго. С твоими успехами в изменении общаться ты сможешь прискорбно быстро.

– Не знаю, как это получилось.

– Да, да, да... Замечательная формулировка вместо “Дорогой Веррейн, расскажи, как изменять?”.

– Дорогой Веррейн, – Аори с сомнением оглянулась на Тарги и сделала несколько осторожных шагов к выходу из ущелья. Ноги дрожали, и как она так лихо допрыгала до волколака? – Расскажи, пожалуйста, как изменять. И как вернуться.

– Я буду предельно серьезен, – пообещал капитану Веррейн, тараща глаза для пушей убедительности. Явно в ответ на беззвучную просьбу, лишь чуть отличную от угрозы. – На Грани ты сможешь изменять мир легко, порой – неосознанно. Она сама будет отзываться и меняться, и чаще всего –

наперекор.

– Наперекор чему?

– Сказки вспоминаешь? Стоит только пожелать, и вода станет вином, мертвые – живыми, а будущее – счастливым? Нет, Аорька.

– Я не понимаю. Что тогда нужно, жесты, слова?

– Эмоции. Ты – инструмент, а не источник силы. Первый камень, который поведет за собой горную лавину. Дай начало потоку, стань вратами, и сама пройди через них. Возвращайся, пока есть, куда вернуться. Без маяка ты останешься на Грани, затеряешься в бесконечном изменении.

– Как переход на “Химере”, да, Тар?

Капитан кивнул, не отводя взгляда от хрупкой девушки. Она медленно, осторожно пробиралась к выходу из ущелья, босые ноги скользили по крошащимся камням, но Аори не касалась предложенной руки. Тарги каждую секунду готовился подхватить ее, поймать, не дать снова упасть. Но она не упала, научившись жить без него.

Волколак трусил рядом на четырех лапах, изредка насмешливо косясь на безмолвную Тень.

– У тебя отлично получилось с разрушением. Не думал, что в тебе это есть. Самые сильные, самые яркие переживания. Тебе оставалось совсем немного, Аорька, поверь. Не знаю, почему ты не научилась этому раньше... все было бы иначе.

– Чему – этому?

Он грустно, долго, несколько вздохов, смотрел в ее глаза.

– Ненавидеть.

– Владыка как-то сказал, что люди делятся на две части.

Те, кто сначала научился ненавидеть, и те, кто научился любить.

– Зависит от точки зрения, – волколак ехидно ухмыльнулся.

– И что с твоей?

– С моей – люди делятся на очень много частей.

Аори рассмеялась нервно и немного истерично, но с души словно камень упал.

– Нельзя стать изменяющей, если ничего в жизни не произошло, да?

– Можно. Но нам недолго позволяют наслаждаться этой роскошью.

– Арканиум презирают справедливо.

– Да. И больше всего – сами изменяющие. Мы, как никто, умеем ненавидеть.

Аори кивнула. Слова не нужны, стоит лишь вспомнить ночь и жар тусклого бра, и то, как оплывают черты рыжеволосой измененной с льдистыми глазами, и то, как серые змеи вгрызаются в Лейта, а он все не разжимает руки, и то, как улыбается тьма под капюшоном Владыки Арканиума.

– Погоди... Как-то это сильно просто. Я видела, как Эвин ставит щиты, как Сиэ изменяет хайритто, как... – она не смогла произнести имя. – Как измененные превращаются в

других людей.

– Для этого и создали Арканиум – учиться влиять на ткань мира так, как тебе необходимо. Использовать свободные потоки и изменять мир. Потому магия и называется изменением, что невозможно создать что-то из ничего, но можно изменить то, что есть. Не, можно выплескивать чистую силу... А потом лапки еле-еле переставлять. Кстати, куда ты их переставляешь?

– Тут много вариантов? – она мотнула головой в сторону выхода.

Встряхнувшись, Веррейн умчался вперед, отталкиваясь мощными лапами то от земли, то, откровенно рисуясь, от отвесных скал. Шорох камней затих, оставив вместо себя густую, давящую тишину.

О чем говорить, спрашивать, как он тут? Видно ведь – как. Спокойные, выполнившие свой долг души просто уходят, растворяются, чтобы когда-нибудь родиться. Они не становятся демонами, не учатся заново ходить, драться, говорить. Не превращают самих себя в безмолвное и бесчувственное оружие.

Сколько же времени для него прошло с тех пор, как...

Сердце остановилось на мгновение, когда она обернулась и успела заметить, какая боль поселилась в глазах капитана.

Тарги отступил на шаг, опустил голову, пытаясь скрыть свои мысли, но Аори чувствовала его так, словно они снова делили один эрг. И там не нужны были слова.

Несколько шагов, и пусть камни больно впиваются в ноги. Она бы прошла этот путь даже по ножам. Чтобы, наконец, поверить.

Все, что было, все, что с ней сделали, все, к чему привели... Пусть. Раз есть этот день, раз есть что-то, кроме бесконечных потерь.

Белая прядь, упавшая на лоб. Непроглядно черные и бесконечно живые глаза. Сжатые губы и затянутая в перчатку ладонь.

– Я думала, что никогда больше тебя не увижу!

Накладка на его плече больно врезалась в скулу. И, не успела Аори удивиться, как поняла, что изменилось. Она сама, она выросла за этот год. Для нее время не остановилось.

И Тар понял. Он обнял ее за плечи, чуть отстранил так, чтобы видеть лицо. И чуть улыбнулся – “я тоже”.

– Ты смотришь так, будто мы видимся в последний раз, – прошептала Аори. Только для того, чтобы это не оказалось правдой.

“В первый”.

– Ты ведь не станешь таким противным, как Веррейн? – она улыбнулась сквозь непрошенные слезы. Мыслеобразы становились все четче, да и как могло быть иначе? Тарги всегда добивался того... нет, не чего хотел. Что считал необходимым.

“Противнее.”

– На себя посмотри!

Веррейн, как обычно, появился из ниоткуда. Словно один из валунов приподнялся, отряхнул с себя пыль и превратился в ехидного, злого, беспардонного волколака.

– Так и знал, что стоит на минуту тебя оставить – сразу полезешь обниматься с каждым встречным-поперечным демоном, – Веррейн плюхнулся на ляжки рядом с ними и принялся яростно чесать бок когтями. – Кстати, оленяшка, зная тебя... Ближайшие пару лет советую с демонами не трахать-ся, а то у нас половину Грани снесет.

– Что? – возмутилась Аори. – Что за намеки? Что значит – зная меня?!

– Ну мало ли, девочка ты любопытная, а в Арканиуме даже в мои времена было ой как весело, собственно, почему бы и нет?

– Веррейн...

– Если что, отличная идея, до сих пор не могу поверить, что в прошлый раз отказался, замечательный вышел бы вечер зоофилии, особенно учитывая рыжую...

– Заткнись!

Он вытянулся по струнке и вывалил ярко-алый язык, став похожим на огромного лохматого пса.

“М-да, я много пропустил.”

Аори рассмеялась вслед за Тарги. Желание пнуть преданно размахивающего хвостом волколака никуда не делось, но она решила немного отложить реализацию.

– Ты нашел выход? – Аори прижалась к капитану спиной.

Нет уж, на этот раз никакой волколак между ними не влезет.

– Тут понимаешь, какое дело, – язык заходил ходуном, будто Веррейну внезапно стало жарко. – Выхода, его, как бы, и нет.

– Почему? Ты же меня выводил...

– Душу, – подтвердил он. – Сознание. Но сейчас ты можешь вернуться только по маяку.

– И где он?

– Это не ко мне вопрос, – он, наконец, перестал выделяться. – Грань отзывается и меняется из-за тебя, помнишь?

– Ну?

– Маяк неподвластен ни тебе, ни этому миру. И он всегда будет чем-то неправильным, диссонирующим. Но только ты сможешь понять, чего не должно быть на Грани.

Аори в растерянности осмотрелась.

Чего не должно быть там, где может быть, что угодно?

Тень за спиной, беззвучная и преданная. Волколак, пылливо заглядывающий в глаза. Гребни скал, исчезающие в туманной дымке. Мелкие, острые камни под ногами, пыль, танцующая в воздухе. Светящееся без солнца небо далеко вверху, будто шрам на теле скалы.

И одинокая звезда на фоне облаков. Звезда перед облаками.

– Как жаль, что я так и не научилась летать, – пробормотала Аори.

Веррейн и Тарги проследили за ее взглядом. Потом капи-

тан прижал ее к себе крепче, а волколак фыркнул и нервно оглянулся, будто ждал кого-то еще.

“Если не можешь добраться к эргу, вызови его к себе.”

– Слушай умного демона, – посоветовал Веррейн. – Что-то он слишком умный.

“На себя посмотри.”

Они обменялись ехидными ухмылками, словно и не пытались недавно убить друг друга.

– Я лучше останусь. – Аори едва не захныкала от беспомощности.

– Нет! – два мыслеобраза хлестнули, как пощечины.

– И на твоём месте я бы не задерживался, – Веррейн бросил короткий взгляд на звезду. Она подмигивала все чаще, исчезала и появлялась, и даже Аори заметила, что периоды свечения становятся все более короткими.

– Что случилось? – ее начала бить нервная дрожь от одного его тона.

– Твой маяк встрял в большие неприятности. Если не вернешься прежде, чем он умрет, то не вернешься уже никогда. Ясно?

– Нет!

Что случилось в храме, неужели у Тройна было больше одного кинжала? Лейт стал следующим?

Лейт...

“Инструкции. Быстро.”

Тар...

– Начни движение, открой поток и потянись изо всех сил. Позови маяк. Только искренние эмоции, только те, что вас связывают. Если ненавидишь его – ненавидь, если любишь – люби. Часть тебя живет в нем, и нужно просто стать единым целым.

– Я не понимаю, у меня не получается!

– А ты не ной! На Грани ты должна приказывать! Без вот этого вот – “а правильно ли я делаю, а можно ли, а не помещаю ли кому...” Твоя решимость отпугнула мимика. Твой испуг ускорил обвал. Появится уже что-нибудь в ореховой скорлупке, заменяющей тебе голову?

Вой поставил жирную точку в объяснении. Они медленно обернулись.

На гребне скалы вопил анкаурт – огромный, раза в полтора больше Аори. Оборвав вопль посреди ноты, он сгорбил-ся и одним прыжком оказался внизу. Несколько его собратьев выбрались из-за скал и, коротко и утробно рявкая, двинулись вперед. Твари не скрывали своего намерения взять в кольцо свежую, привлекательную добычу.

– Вот тебе и мотивацию подвезли, – пробормотал Веррейн. Не сговариваясь, он и Тарги шагнули вперед, чтобы не дать демонам добраться до Аори.

“Ты привел?”

– Издеваешься? Я проверял, не заметил ли кто, что тут изменяющая энергией разбрасывается.

“Плохо проверил.”

– Ну пойдй, проверь сам! – распахнулся волколак и зарычал на особо наглого анкаурта. Вся стая отпрыгнула назад, как пугливые котята, но демоны тут же принялись подбираться снова. – Аори, уходи, быстрее.

– А вы останетесь без шансов выжить?

– Если кажется, что шансов нет, то ты просто о них не знаешь.

– Я вас не брошу!

Снова два синхронных мыслеобраза, что-то среднее между шлепком по лбу и емким “дура”.

– Демоны не умирают, дура, – конкретизировал свою позицию Веррейн. – Но в ближайшие луны придется тебе обходиться без меня. Ну! Бегом! Спасай того, кого еще можешь!

Аори закусила губу. Сделала шаг назад, бросила жалобный взгляд на звезду, на капитана, снова на звезду...

Лейт, что с тобой? Почему я должна выбирать сейчас?

Спасти того, кого еще можно спасти... Тар, пожалуйста, Тар! Я не могу тебя бросить, не могу потерять, опять! Я никогда не могла тебя бросить!

“Уходи! Иначе все будет зря!”

– Я вернусь! Тар, обещаю, я вернусь к тебе! – она закричала от бессилия.

Эхо забилось в ущелье, запуталось в трещинах скал. Мерцающий в небе огонь разросся, засиял, ослепляя демонов и разбрасывая вокруг хаотичные, похожие на черные клинки тени.

Он угас спустя несколько мгновений. Исчез, будто не было ни его, ни девушки в белом платье.

Анкаурты, как по команде, двинулись вперед. Мелкая, осторожная рысь превратилась в энергичные прыжки. Все новые и новые твари появлялись из-за гребней, сползали по скалам, будто вся Грань собралась в одном лишенном выходов ущелье.

– Ну что, готов навалить кому-то послабее, раз мне не получилось? – Веррейн ехидно покосился на угрюмого бело-волосого демона с длинными клинками в руках.

“Ты – следующий”.

Волколак ехидно усмехнулся в ответ. Одним прыжком он оказался рядом с капитаном, выпрямился спина к спине, будто снова превратился в человека.

Мрак сомкнулся вокруг. Яростный, полный жажды крови и смерти, звериного воя, ощеренных зубов, темной слюны, жгущей, как кислота, когтей, рвущих незащищенную плоть. И, как бы Веррейну ни хотелось, он так и не дождался просьбы о помощи.

Сознание рядом рассыпалось, и в следующую секунду демоны добрались и до волколака.

Лейт очнулся от прикосновения прохладных пальцев. Они, словно принадлежали слепому, медленно и осторожно изучали его лицо. Очередное нежное касание отозвалось болью, и мгновением позже она вспыхнула во всем теле.

Во рту было солоно. Он закашлялся, выплюнул кровь и с трудом открыл глаза. И, преодолевая боль, схватил своей рукой ту, что испуганно отдернулась от его лица.

– Это ты? – прохрипел он. – Ты вернулась...

– Лейт, что случилось?

Аори непонятно как оказалась на соседнем сидении. Она слабо улыбалась, на ресницах блестели слезы, но у Лейта не осталось сил, чтобы их вытереть.

Она вернулась... Спасибо, боги.

И за ее спиной, за смятым капотом, поднимает руку темная фигура.

Вспышка особенности опрокинула Лейта обратно во тьму, но пуля прошла между ними.

Аори медленно обернулась.

Лысый, оскалив невидимые под банданой зубы, все жал и жал на спусковой крючок, но пистолет не стрелял. Бросив его на землю, он потянулся ко второму, спрятанному в подмышечной кобуре. Не одноразовому оружию, по которому невозможно найти владельца, но безотказному, дорогому и уникальному. Сделанному Арканиумом специально для него.

Глаза девчонки полыхнули темным огнем. Ничего, дорогая, подожди немного.

Лысый видел таких не раз. Перепуганные до слез, замершие, впервые осознавшие, что в жизни есть что-то, кроме балов и мелких склок, они теряли это осознание еще быст-

рее, чем приобретали. Оставался лишь ужас, у особо алчных или глупых – он не делал разницы – смешанный с вожделе-нием. Своей глубинной сучьей натурой они чуяли сильного самца и хотели отдать свои тела его желанию.

Что-то мелкое, темное ударило лысого в лицо. Несильно, будто крохотная птаха. Он отмахнулся, но следом за одним существом на него налетело второе, третье, десятое... Стая окружила его, как комары зажженный в лесу фонарь, они бились в лицо, плечи, грудь. Коготки впивались в бандану, рвали ткань на клочки. Лысый, забыв про зажатый в кулаке пистолет, размахивал руками, пытаясь разогнать мелкую нечисть. Размахивал до тех пор, пока удар в живот не согнул его пополам. Еще удар – и пистолет выпал из пальцев и улетел в темноту.

Лысый попытался заорать, но твари тут же ринулись в рот, забивая и крик, и вдох. Они прижали его к стене, впились в горло, все слетались и слетались, собирались вместе, пока не превратились в черный поток, обвивший руку девчонки.

Она держала его, хрупкая дрянь с темными кругами под глазами. Держала одной рукой, словно щенка, а не сорока-летнего накачанного мужика.

– Кто ты такой? – надтреснутый и одновременно звенящий голос.

Даже если бы лысый и хотел ответить, то все, что он мог издать, – невнятный хрип.

Пальцы девчонки сжались, ногти продавили кожу, и тьма

неторопливо потекла в тело лысого. Он захрипел, задержался... Попытался. Сила ушла вместе с голосом, лысый превратился в куклу в руках жестокого ребенка.

– Аори! Аори, стой!

Знакомый всей Австрали голос пробился, как сквозь вату. Баго, так быстро? Как? Он не успел бы уйти.

Его подставили. Под Баго, под изменяющую, замаскированную под ребенка.

Но почему она не слушает приказов?

Стражи окружили их за считанные секунды. Кто-то бросился к покореженному кабриолету, остальные замерли, держа девчонку на прицеле.

– Эвин, сделай что-то! – закричала Лана.

– Что? Убить ее?

Маг, закусив губу, пытался прервать изменение, не дать ему разрушить тело убийцы. Но все, на что его хватало, – удерживать поток, не пускать его вглубь. Нет, он мог бы уничтожить Аори движением пальца, и даже готов был... но если ему выбирать, кто сегодня умрет, пусть это будет не она.

– Да хоть это! – рявкнула Глава Баго.

В два шага оказавшись рядом с девчонкой, она коротко и сильно стукнула ее рукояткой пистолета по затылку. Аори упала без единого звука, и рядом рухнул на колени лысый, хрипя и закрывая ладонями горло.

От тонких не осталось и следа.

– Что с Джоем? – оставив Эвина заниматься лысым и дев-

чонкой, Лана бросилась к кабриолету. Оттуда под руководством Агена как раз достали безвольное тело.

Раз вытаскивают – два варианта. Или ему уже ничем не навредить, или...

– Жить будет.

Парня положили на носилки. Лана присела рядом на корточки, коснулась его лба ладонью и закрыла глаза на секунду.

Особенность молчала – значит, Джою и в самом деле ничего страшного не грозит. Не то, чтобы Глава не доверяла заместителю, но сегодня явно не лучший день для Баго. Именно поэтому они сейчас позаботятся о Джое и безродной девочке. Время Ори наступит позже.

Она поднялась и махнула ребятам – забирайте.

– С ним что-то не так, – пробормотал Аген.

– Знаю. Все потом, – так же тихо ответила Лана и, отодвинув ближайшего стража, шагнула к застывшему в позе эмбриона лысому. – Эвин, ты отвечаешь за девочку. Этого и машины – в Дом, быстро.

– К сожалению, нет.

Рыжеволосая измененная появилась невесть откуда. Она с мнимой покорностью развела руками, словно и впрямь о чем-то сожалела. Жест показался Лане знакомым, но мысль тут же улетучилась. Глава Баго не стала ее ловить.

– Он совершил нападение на Глав...ного технического специалиста Астрали, – она едва успела выкрутиться.

Кришта насмешливо прищурилась и кивнула, дав понять,

что от нее что-либо скрывать бесполезно.

– Он совершил нападение на изменяющую, – отстраненно возразила она. – Непосредственно Джою он не угрожал. Может, не успел, может, и не собирался. Мы обязательно выясним подробности.

– Ты искажаешь факты. А факты состоят том, что...

– Что изменяющей очень повезло выжить, – Кришта ухитрилась перебить ее, не повышая голоса. – И что никто не поручится, что этому идиоту не понадобится экстренная помощь. Ты готова взять на себя ответственность за его смерть?

– Хорошо, – сдалась Лана. – Аген, ты отвечаешь за транспортировку и дальнейшее сопровождение. Я приеду, как только закончим с Джоем.

– Трое изменяющих уже на пути в Дому Баго, – не отводя взгляда от лысого, прокомментировала Кришта. Тот дернулся несколько раз, как от электрического разряда, и поднялся. Лана вздрогнула, встретившись с ним взглядом – глаза заволокло серой пеленой. – Если нужно больше, сообщи.

– Мне нужен изменяющий-техник твоего уровня. Ты, например. Разобраться, почему не сработала городская система безопасности.

– Он в тройке. Я займусь иным.

Лана кивнула, наблюдая, как лысый дерганой походкой марионетки бредет к замершим у перекрестка машинам. Черным, со значками Арканиума на крыльях.

Следом за ним шел Аген с Аори на руках.

Beyond The Black. Through the Mirror.

За неимением на Астрали прочих заместителей, Владыка бесцеремонно сбросил на Эремерта обязанности по утешению особо пострадавших сторон. Никакого иного слова измененный для этого процесса подобрать не мог, и все больше склонялся к мысли о том, что обморок – самое надежное средство. В бессознательном состоянии пострадавшие были такими тихими, не требовали, не кричали, кое-кто – со слезами на глазах.

Увы и ах.

И, если Лейта еще можно было игнорировать, сдав под плотную опеку Баго, то Аори находилась куда ближе, и засевавшая в ее ушибленной голове идея не казалось здоровой никому, кроме обладательницы.

Во всяком случае, когда дежурный доложил, зачем она требует встречи, в его глазах светилось то же сомнение в гуманности методов Ланы.

– Мне нужно вернуться на Грань!

Ни здравствуйте, ни пожалуйста. Стоило дежурному открыть дверь, как одетая в серые джинсы и рубашку девчонка выскочила из мягкого кресла у окна, как демон из артефакта, и щит, перекрывший дверь, едва не прищемил измененному хвост. С кулаками не бросилась – и на том спасибо. Прожи-

гать взглядом у нее не получалось. Пока что.

Осмотревшись, Эремерт подцепил когтем стул и устроился на нем задом наперед. Абсолютно не по протоколу в присутствии супруги Главы рода, но пятая конечность диктовала свои правила поведения. Да и на даму растрепанная изменяющая не тянула.

Эремерт коротко вздохнул. Потоки вокруг Аори дрожали, как марево над раскаленным песком. Не будь в палате блокирующего контура – глядишь, и впрямь бы провалилась, куда хотела. После того, как разнесла половину квартала, и себя вместе с ним.

И кто б ее на этот раз вытаскивал, позвольте спросить?

– Возвращайся.

– Очень смешно! Выпустите меня!

– Не раньше, чем объяснишь, что забыла в другой сфере.

– Я не обязана ничего объяснять, – Аори непреклонно сложила руки на груди, но нотка неуверенности в голосе выдала ее с головой.

– Значит, расскажешь без обязанностей, по доброй воле.

Эремерт широко улыбнулся. Хочется ей стоять перед чешуйчатым измененным, как школьнице перед учителем, – на здоровье. Но Аори, насупившись, села на край застеленной койки.

Может, стоило ее ремнями привязать? Как жаль, что любая хорошая идея приходит с запозданием. Впрочем, все еще можно предложить это решение Лане.

– Нет у меня для тебя ничего доброго, и не будет никогда.

– Странно, что ты не научилась выполнять приказы.

– Я больше не в армии.

– Ошибаешься. Теперь ты в ней навсегда.

– Было глупо думать, что я смогу что-то изменить, – прошептала она с таким отчаянием, что даже Эремерту стало не по себе. Не в последнюю очередь оттого, что для него слово “изменить” имело особый смысл.

Справятся ли они с тем, что создали, положившись на волю мира и слепую удачу?

– Знаешь, сколько раз за утро мне звонил Ори? Восемнадцать. И я готов поклясться всеми богами, что во плоти он появится в Арканиуме завтра. В лучшем случае.

– И что?

– То, что ты требуешь отпустить тебя на Грань, а не к человеку, ради которого с нее вернулась.

Аори промолчала, глядя куда-то в угол. Она вцепилась в собственные плечи так, словно пыталась заглушить физической болью внутреннюю, невидимую, и потому особенно опасную.

– Нет ничего хуже, чем изменяющая, которая врет сама себе.

– Я знаю, что с ним все в порядке.

– А с кем-то на Грани, надо понимать, – нет?

Она помотала головой. По щеке скатилась непрошенная слеза, и Аори зло вытерла ее кулаком.

– Веррейн сказал, что демоны не умирают. Это правда?
Отчаянная надежда.

– Правда. Они возвращаются в начальное, невоплощенное состояние, потеряв всю энергию. Восстанавливаются со временем или в случае стороннего вливания. Тебе, кстати, отдельное “спасибо” от охранного отдела за сотню воплотившихся тонких на улицах. Две ночи зачищали.

– На здоровье. Что я еще могла сделать?

– Я бы сбежал на твоём месте.

– Он бы убил Лейта!

– Предпочитаешь сделать это собственноручно?

– Что? Почему?

– Если ты выйдешь из этой комнаты в таком состоянии, на Грань отправятся все окружающие. Если, конечно, рядом снова не окажется Ланы с пистолетом.

– И что мне делать? – она невольно потерла макушку.

– Стабилизатор эмоционального состояния, какой ты носила.

– Его уже не найти.

– Как ни странно, их делают парами.

Аори удивленно подняла глаза... и прикипела взглядом к маленькой черной сережке, почти невидимой на чешуйчатой ладони.

– И я должна поверить, – ее голос сорвался, – что ты специально перерыл вещи Сизэ, чтобы сделать мне приятно?

– А тебе что, приятно?

– Нет!

– Я поручил перерыть ее вещи потому, что эту сережку ты не выбросишь.

Она протянула руку.

– Но ведь я все чувствовала. Мне было и плохо, и хорошо... В чем стабильность?

Эремерт удовлетворенно кивнул, когда потоки успокоились, а с лица собеседницы пропало выражение загнанного, беспомощного зверька.

– Сдается мне, ты понимаешь неправильно. Не эмоций, а состояния. Стабилизатор устраняет возможную угрозу от тебя. Пока ты обычный человек – это украшение, не более. Но оно не дает тебе неосознанно цеплять потоки сил.

– Сиез потому мне ее и дала, чтобы я ничего не заметила...

– Это был мой приказ. Обезопасить тебя. Но один она поставила выше.

– Какой?

– Приказ Реодора сохранить жизнь Лейта любой ценой. Скверрти решила крайне категорично не плакать по волосам, раз уж голова полетела, и заодно превратить тебя в изменяющую. Но даже самому безумному демону Грани хватило разума отказаться.

– Я хочу его найти.

– На Грань в ближайшую луну опасно соваться даже мне. Тебе что-то известно про сезон открытия? Прорыв?

– Нет.

– Про нестабильные грозы ты знаешь. Время, когда проходы с Грани открываются случайным образом, и демоны могут воплотиться в Сущем.

– Для меня даже слово “демоны” звучит глупо.

– С классификацией позже разберешься. Так вот, осенние грозы большой опасности не представляют именно из-за своей случайности. Далеко не всегда рядом с проходом оказывается кто-то достаточно сильный.

– Как вы вообще ухитрились выжить?

Она даже не издевалась. И впрямь не могла понять, что эволюция происходит не только за счет физических мутаций.

– Грань между сферами истончилась во время Пробуждения, уж прости мой каламбур. Тогда же появилось и единственное оружие – изменяющие.

– Замечательная альтернатива слову “инструмент”. Так, конечно, гораздо приятнее.

А вот теперь – издевалась. Намекала на свою несчастную судьбинушку.

– Я тебе рот зашью. Сезон открытия – это период, когда переходы формируются на Грани заранее. Прорыв – когда открываются. Демоны чувят их и сбиваются в стаи, что, собственно, сейчас и происходит. На Грань можно легко попасть, но вот вернуться на Астраль – нет. Точки выхода расположены именно в местах истончения.

– И я должна просто поверить?

– Проверь, – Эремерт приподнял бровь и развел руками, как бы расписываясь в нежелании что-либо еще ей доказывать.

– Как?

– Как и раньше. Когда уснешь – отправь свое сознание в приграничье.

Похоже, Аори и впрямь не пришел в голову столь очевидный вариант. Ее бровки удивленно приподнялись, глаза округлились, взгляд ощутимо утратил в осмысленности. Эремерт искренне наслаждался пантомимой, правда, для полного счастья еще б рот приоткрыла, но пришлось довольствоваться малым.

– Что, пригласить Лану? Или потерпишь до ночи?

– Э...

– Постарайся только не провалиться слишком глубоко. С Веррейном связи нет.

– Он погиб?

– Мы найдем его и поможем, как только Грань стабилизируется.

– Когда?

– Пара лун.

Она встала с койки, повернулась к окну. Теперь Эремерт не видел лица – только силуэт в контровом свете.

– Не теряй связи с реальностью, Аори. Что бы ты ни увидела на Грани, кого бы ни встретила... Это лишь призраки. Не ошибись, выбирая между ними и настоящим.

Аори не ответила, лишь ссутулилась еще сильнее.

Неправильно запирает ее наедине со своими мыслями. Но что еще делать, если эти мысли невозможно понять ни одному логически мыслящему существу?

– Скажи, дорогуша, ты что, избегаешь встречи с Лейтом?

Аори всхлипнула и тут же насильно проглотила этот всхлип. М-да, топорно Веррейн поработал.

– Он же все знает... Что мне делать...

– Ты всегда сможешь вернуться в Арканиум. Назвать нас семьей было бы крайним преувеличением, но друг друга мы не бросаем.

– Считаешь, мне нужно уйти?

– Не уйти, нет. Но пусть Арканиум будет только работой, а не всей жизнью. Ты – единственная изменяющая с активным маяком.

– Это хорошо или плохо?

Аори, наконец, взяла себя в руки не только в прямом, но и в переносном смысле. Она принялась мерять шагами комнату, в которой очнулась, и которую успела изучить от и до. Шестнадцать шагов, двадцать... Счет всегда зависел от того, как шагать.

Мягкий ворс ковра по центру или холод лакированного паркета, если в обход. Быстрые, длинные шаги или короткие, едва переставляя ноги.

– Это – противоестественно. Те, кто иницируют изменяющих, обычно долго не живут.

– Постой, – ее замутило. – Мой маяк – это Тройн?

– Не городи ерунды, ты что, к нему вернулась? Твой маяк

– Лейт.

Тошнота не отступала, и Аори обожгло еще одной мыслью. Меньше всего хотелось делиться ей с чешуйчатым измененным, но с кем еще? Сколько бы ни было в его словах злого сарказма, Эремерт никогда не отказывал в помощи. И делал лишь то, что должно быть сделано.

– Я...

– Ты. Дальше.

– То, что случилось... с Тройном... – она уставилась на ковер. Щеки горели, и смотреть в глаза измененному не было никаких сил. – Я же могла...

– Забеременеть, что ли? – да, в излишнем сопереживании Эремерта не упрекнуть. – Нет. У изменяющих не бывает детей.

– То есть...

– Избавь меня от необходимости заканчивать за тебя фразы! – Вышел из себя измененный. – Да, ты можешь здорово сэкономить на противозачаточных.

– Я не хочу быть изменяющей!

– Типичная реакция половины одаренных, – бесстрастно прокомментировал Эремерт. Его забавляли метания Аори по комнате. – То, чем ты была, и не могло стать изменяющей. Не имело права. Я знал, кто ты и чего от тебя можно ожидать. Умей Кат ненавидеть – она бы вернулась к Теням. Или

бросилась на солдат. Или отомстила позже, получив миллион возможностей. Но – нет. Я должен был сделать с тобой то, что не сумел этот твой капитан... Дарги?

– Тарги! – выкрикнула Аори.

– У меня получилось.

“И правильно выполненная работа дала отличный результат, – додумал Эремерт с чувством глубокого удовлетворения”.

– Что теперь? – спросила Аори, остановившись. – Я должна поблагодарить? Стать такой же, преданно служить Арканиуму?

– Да делай, что хочешь. Но не думаю, что ты откажешься от силы.

– Что, чревато несовместимыми с жизнью последствиями?

– От трети до двух изменяющих не заканчивают обучение. Занимаются мелкими фокусами или стараются забыть про свой дар.

– Не знала, что так можно.

– Тебе – нельзя.

Она рассмеялась, коротко, напоказ. Эремерт неодобрительно покачал головой – право слово, уж лучше бы Скверрти ей занималась. У нее был какой-то особый, немагический дар – исцелять больные души. Она всегда выводила подопечных из ловушек, пока не попала в нее сама.

Устала? Отчаялась? Выбрала?

– Не понимаешь? Как изменяющей, тебе нельзя быть супругой Главы рода. Как супруге и дочери Главы, тебе нельзя быть изменяющей.

– Но я уже...

– Каждый будет видеть в тебе врага, а не друга, какую бы сторону ты ни выбрала. И уж лучше быть сильным врагом, чем слабым, согласна?

– А если я не хочу выбирать?

– Рано или поздно придется. Нельзя просидеть всю жизнь в четырех стенах, если у тебя и дар, и особенность рода.

– Какая особенность? Какой род?

– Тройн, само собой. Или, точнее, Акос. Любые другие особенности для изменяющей бесполезны.

Ненависть во взглядах встречных стала такой привычной, что Эремерт просто перестал ее замечать. Но сейчас даже пожалел, что под рукой нет фотоаппарата. Желтые глаза горели таким искренним чувством!

– Какая же ты сволочь.

– Я? Увольте. Не я бросил собственного мужа в трудную минуту. Да, печально, что автомобильные аварии не проходят бесследно даже для таких, как Лейт.

Сердце бухнулось в пятки и, взяв хороший разгон, вернулось в грудь и заколотилось, как бешеное.

– Что с ним?!

– О, тебе внезапно стало интересно? Могла бы узнать раньше. А так – жив, и достаточно.

Как ему объяснить, что не достаточно? Но каждая мысль о Лейте взрывается болью в висках, горячечным стыдом, металлическим привкусом во рту из-за прокушенной губы.

Все, что он сделал ради нее... зачем? Отдавал долг? А теперь она примет все за чистую монету, повесит себя ему на шею, лишит свободы... он ведь не сможет отказаться от супруги. У Главы рода может быть миллион любовниц, но обряд проводят только раз.

И единственный шанс на нормальную семью, на детей, – если ее не будет рядом. Любовь – это отдавать, но все, что она может дать ему – свободу. Вернуть то, что забрала, так себе подарок, но уж лучше такой, чем никакого.

Уйти нужно сразу. Даже сейчас мысли бьются в голове оглушительными взрывами, а что будет, если пойти на поводу у иллюзии, которую здесь называют надеждой?

– Эремерт, пожалуйста!

– Как же, наверное, обидно, – только-только вылезти из инвалидного кресла и снова туда вернуться.

Нет, этого просто не может быть. Нет, нет, пусть это будет неправдой, пожалуйста!

Она не заметила, как из глаз снова брызнули слезы. Эремерт молча посочувствовал сам себе, глядя на задерганную до потери разума ученицу, и вздохнул. Что ж, осталось протестировать последнюю реакцию.

– Ладно, не реви. Я пошутил.

До нее дошло не сразу. А когда дошло – Аори подскочила

к измененному, сжимая кулаки, и замерла в бессильной злости. Что она может ему сделать, огромному, бронированному уроду?

– Как бы я хотела тебе врезать, – процедила она. – Так, чтоб почувствовал.

Черты измененного поплыли, и несколько секунд спустя рыжеволосая женщина с льдистыми глазами поднялась со стула и отставила его вбок.

– Ну, рискни.

Страх остался на Грани, и Аори коротко, быстро ударила. Но Кришта легко ушла в сторону, и поймала кулак ладонью. Сила в ней осталась от Эремерта – рыжеволосая легко выкрутила руку Аори так, что та рухнула на колени, выгнувшись от боли. Но не издала ни звука.

Кришта смотрела на нее несколько секунд, выжидая. Потом отпустила, отряхнула зачем-то руки и улыбнулась.

– Умница.

Аори сидела на полу у стены, уткнувшись лицом в колени. Сидела уже не первый час. Ткань джинс намокла и пахла краской, но Аори казалось правильным вдыхать едкий запах. Она не меняла позы, словно отчаявшийся, безразличный ко всему человек.

Если ты одинока, это не значит, что за тобой не наблюдают.

Если ты не видишь камер, это не значит, что их нет.

Она сидела и слушала. Ждала, пока стихнет возня в коридоре. Арканиум напоминал взбудораженный муравейник – мелкие маги-рабочие суетились, торопились, еще и не за-тыкались ни на минуту. Где-то в глубине их царства засел Владыка, и они со всей ретивостью удовлетворяли прихоти царского величества.

Ну наконец-то.

Аори одним движением поднялась и осторожно выглянула за дверь.

Еще во время ничуть не приятной беседы с измененным Аори заметила интересную деталь, но сумела не подать виду.

Высокие, от пола до потолка, окна выходили в атриум башни. Раньше, стоило ей приблизиться, и их затягивало золотым маревом, едва заметно предупреждая – держись по-дальше. Интересы ради она коснулась сияющей поверхности, и рука отлетела, как будто Аори с силой ударила по огромному мячу.

Но когда она вдела сережку... щиты на окнах не появились. Аори едва дождалась, пока Эремерт уйдет, чтобы проверить дверь. Так, мимоходом, словно просто по комнате гуляет. И, убедившись, попинала безучастную стену, плюхнулась на пол и принялась ждать. Она и впрямь почти отчаялась, разуверилась в дурацкой затее без шансов на успех.

Но если шансов нет, то ты просто о них не знаешь, так, Веррейн?

Снаружи не оказалось ни охранников, ни случайных про-

хожих. Широкий и высокий, с косыми окнами под потолком, коридор широкой дугой уходил влево. Сквозь огромное панорамное окно справа Аори увидела королевский дворец, с такого расстояния похожий на удивительную, мастерски выполненную игрушку. Далеко внизу, под вечерним небом, раскинулось зеленое море с редкими вкраплениями фонарей. Парк, по которому они ехали на кабриолете, парк, в котором она впервые узнала, что такое небо и что такое ветер.

Теперь даже кабриолета не осталось. Бедный пельмешка...

Аори, не мешкая, выскользнула за дверь. Помнится, в самом начале Владыка спросил, почему она не сбежала, не спряталась среди обычных людей? Вот сегодня эта идея и пригодится. Сережка поможет скрыть дар, а со всем остальным она как-нибудь разберется.

Глубоко вдохнув, Аори засунула руки в карманы и зашагала по коридору. Вряд ли ее все знают в лицо, так что, если сохранять спокойствие, если просто быть спокойной, если не паниковать вот так вот, услышав чьи-то голоса за поворотом, то можно добраться до лифта, спуститься и выбраться из башни.

На двери впереди Аори увидела значок лестницы. Если это не шанс, то что тогда? Она, стараясь не шуметь, потянула ручку на себя. Дверь не шелохнулась. Практически в истерике, Аори задергала ручку и, наконец, догадалась толкнуть. Тяжеленная дверь открылась без единого звука. Аори ныр-

нула в полумрак, как в воду, и прижалась спиной к холодному металлу с обратной стороны, пытаясь отдышаться и унять колотящееся в груди сердце.

Голоса приблизились. Аори не различала слов, но невидимые собеседники остановились напротив ее убежища, яростно дискутируя о чем-то своем.

Вот драные демоны...

Глаза привыкли к темноте, показавшейся сначала, после залитого солнцем коридора, почти кромешной. Аори стояла на крохотной площадке, похожей на балкон, и лишь тонкие ажурные перила отделяли ее от пропасти. В темноте, уходя вверх и вниз, мерцали два ряда огней, словно взлетная полоса расположилась на стене.

Лестница прилепилась к краю площадки. Стекло ступени, казалось, растворялись в полутьме. Так и не заметишь, есть очередная или нет.

И они вели только вверх.

Внутри отщелкивал секунды невидимый метроном. Сколько у нее времени до того, как изменяющие заметят и начнут искать пропажу? Осталось ли вообще?

Она осторожно поставила ногу на ступеньку. Стекло держало, но казалось скользким, ненадежным. Огни на стене вспыхнули и снова потускнели один за другим, снизу вверх, и продолжили мерцать в медленном, ленивом ритме.

Аори ухватилась за поручень и начала взбираться, стараясь не думать о тьме под ногами. Но все равно в голове кру-

тилась одна и та же сценка – вот она ставит ногу на следующую ступеньку, а той не оказывается, нога проваливается, рука соскальзывает с гладкого, круглого поручня... Аори сглотнула и коснулась стены свободной рукой. Та, шероховатая, незыблемая, давала хоть какую-то уверенность в зыбком пространстве.

Это же реальность?

На очередном шаге нога таки провалилась. Аори вскрикнула, но улетела недалеко – никакой дыры в лестнице, конечно, не было, это просто следующая площадка. Взмахнув руками, она удержала равновесие, и кончики пальцев наткнулись на косяк двери.

Аори прижалась к металлу и прислушалась.

Тишина.

Этот коридор оказался темным, лишенным окон. На стене в дальнем конце Аори заметила два тусклых огонька. Лифт!

Ковер с плотно набитым ворсом заглушил торопливые шаги. Стараясь не оглядываться, она быстро, почти бегом, преодолела коридор. До лифта оставалось всего ничего, когда он мягко просигналил о прибытии. И все, что успела Аори, – юркнуть за ближайшую дверь. Высокую, двустворчатую, из массивного дерева.

Она оказалась в незнакомом кабинете и, повинувшись смутному чувству опасности, осмотрелась в поисках убежища. Тусклый свет едва пробивался из-за портьер, но его хватало, чтобы оценить богатое убранство. Шкафы, диван, два

кресла, стол, заваленный хламом... Как глупый ребенок, она юркнула за плотную портьеру и замерла, зажимая себе рот обеими руками.

Воздух едва ощутимо пах полынью. Два года назад Аори не знала, что это за запах.

Она услышала, как щелкнул замок на двери, и, спустя несколько секунд, – негромкий хлопок. Кто-то зашел в кабинет.

“Хоть бы он не додумался раздвинуть шторы!” – взмолилась Аори, понимая, что в едва освещенной комнате такой сценарий реализуется с максимальной вероятностью.

Ей повезло. Хозяин кабинета щелкнул выключателем, и сквозь щель просочилась тонкая полоска теплого лампового света.

– Присаживайся, – произнес безликий голос, и Аори выпучила глаза. Если бы не зажала себе рот – точно б не удержалась от изумленного возгласа.

Насколько надо быть невезучей, чтобы вломиться прямоком в кабинет Владыки? Даже незачем спрашивать, почему он не заперт, – таких идиотов на всей Австрали не найдется!

Невидимый собеседник ничего не ответил – может, кивнул в ответ, может, проигнорировал приглашение. Аори услышала, как скрипнуло кресло и удовлетворенно выдохнул Владыка. Словно человек, который провел весь день на ногах и, наконец, получил возможность вытянуть их и развалиться на мягком сидении.

В кабинете повисла тишина. Аори казалось, что стук ее сердца слышен на другом конце Арканиума, и от невозможности нормально отдышаться начало темнеть в глазах.

– Знаете, мы с вами в такое время живем, – насмешливый и, вместе с тем, задумчивый голос Владыки прервал молчание. – Удивительное время! Множество изменений. Новые возможности. Впрочем, кому я говорю?

Чей-то тихий вздох. То ли согласия, то ли нетерпения... сложно понять из-за портьеры, не видя лиц. Но Аори почему-то казалось, что спутник Владыки устал от пустых бесед, хоть и понимает, что никуда от них не деться.

– Нам с вами многое надо обсудить. Очень многое. Вы взяли на себя огромную ношу, но вы справитесь. Запомните мои слова – я никогда не ошибаюсь в таких прогнозах. И, раз уж я столько самонадеянно заявляю о своих способностях, они же подсказывают мне, что сегодня вы готовы обсуждать только одну тему.

– Да. Где она?

И этот голос был ей знаком. До оторопи, до полнейшего непонимания. Аори захотелось ущипнуть себя – может, ей это снится?

Владыка коротко хохотнул.

– Простите, господин Ори. Один маленький нюанс делает мне очень смешно.

– Плевать. Почему моя супруга до сих пор не здесь?

Измененный снова сдавленно хрюкнул, и Аори огороши-

ло пониманием того, почему он смеется.

– Да что происходит, в самом деле? Мне долго ждать?

– До тех пор, – выдавил хихикающий Владыка, – пока вашей супруге не надоест прятаться за шторой...

Кресло взвизгнуло, когда Лейт рывком поднялся.

– Аори?

Она выбралась из-за тяжелой ткани на подгибающихся ногах и остановилась, разглядывая узорчатый ковер. Линии змеились, точно как потоки сил.

– Аори!

Что-то в его голосе заставило поднять глаза.

Лейт стоял перед ней, недоверчиво прищурившись, словно подозревая Владыку в очередном фокусе. Да это и был фокус, наверняка, просто Аори вовремя не сообразила, что стала его частью.

На щеке Лейта виднелся едва затянувшийся шрам от пореза. Аори укололо воспоминанием – она открывает глаза, перед которыми еще пляшут демоны Грани, поворачивается, и видит его бледное лицо, и капли крови срываются и падают на грудь...

Губы Лейта дрогнули, уголки поползли вверх, как по команде. Секунда – и он стоит, широко улыбаясь, и глаза светятся сумасшедшим, невозможным счастьем.

Только теперь Аори поняла, что и сама улыбается. Интересно, насколько глупыми они оба выглядят для Владыки?

– Это правда ты!

Совсем глупыми, наверняка, ведь невозможно выглядеть иначе, когда одновременно улыбаешься и плачешь, и тебя переполняет эйфория, и последние разумные мысли улетучиваются после его прикосновения. А он обхватывает тебя, прижимает к себе обеими руками, одновременно сильно, так, чтобы больше никогда не отпускать, и нежно, так, чтобы ты и сама не захотела уходить.

И наваливается все сразу – ветер в волосах, солнце над головой, озеро Грани с серебристыми деревьями, осторожный поцелуй, главный зал собора и взгляд, полный ожидания и надежды. Как обвал, как штормовая волна, любовь заполняет тебя полностью, и не оставляет ни клеточки для боли и сомнений.

– Что ты тут делаешь?

Она уткнулась в его плечо, пытаясь от молчаться, почувствовала, как глупое лицо заливают краской.

Что я тут делаю? Пытаюсь убежать от встречи с тобой. Только тебе я этого не скажу, никогда, если промолчит Владыка, он ведь всегда и все понимает. Смотрит насквозь, протыкает людей жалом своего взгляда, и вынимает его обратно со всеми ответами. Он может сказать тебе, что я убегала от себя, зная, что если больше никогда тебя не увижу, то смогу поверить, что не было этой иллюзии, этого счастья, которого я не заслужила. Он может. Я... Я не могу.

– Милое дитя попало в одну из ловушек, коими полнится моя скромная обитель. Видите ли, господин Ори, когда баш-

ню пытается покинуть тот, кому покидать запрещено, любой путь выводит его прямым ко мне. Чтобы, так сказать, изложить причины столь необдуманного поведения. А ваша супруга, как и вы, совершенно не умеет сидеть на одном месте.

Плечо Лейта дрогнуло раз, другой. Аори удивленно подняла глаза и увидела, что он беззвучно смеется.

– И что теперь, Ваше Всевластие?

– Обычно мы практикуем сожжение, четвертование, порку плетьюми и принудительную практику в младших классах, но в данном случае я ограничусь беседой наедине. Смею надеяться, вас Лунир уже проинструктировал в достаточной степени.

– Было дело. Впрочем, часть про “Вы получили не только обязанности, но и права” мне даже понравилась.

Продолжая обнимать Аори одной рукой, Лейт кивнул в сторону кресла – пойдём? Он зачем-то помог усесться и сжал ладошку на прощание.

– Я подожду снаружи, – шепнул он.

Владыка молчал, пока дверь не захлопнулась за Лейтом. Сами собой щелкнули замки, запирая Аори наедине с существом, скрывающим свое лицо за тенью широкого капюшона.

– Держи.

Смартфон завертелся на столе. Аори пришлось встать, чтобы дотянуться до него. Такого аппарата она еще не видела, но Лейт наверняка в курсе, как с ним обращаться.

– Это твой личный смартфон изменяющей. Он не включится, если окажется в чужих руках. Он работает исключительно с нашей сетью, маскируя номер для исходящих вызовов, и я надеюсь на твое благоразумие, Аори Ори.

Она поперхнулась, впервые услышав свое новое имя, и рухнула обратно на мягкие подушки. Боги, какой идиотизм, какой она была душой, решив взять вместо имени название чужого рода... Но разве она могла знать...

И ей это теперь слышать всю оставшуюся жизнь? Аори Ори? А если поменять ударение в имени рода, так вообще... Аори, не ори. Забавные у них с Лейтом диалоги намечаются.

В общем, кошмар, ужас и еще три-четыре слова, не прописанные в базе данных чипа.

– Дальше. На твой смартфон загружено расписание занятий. Завтра утром ты вернешься в Арканиум для начального ориентирования с Эремертом. После этого тебе подберут программу обучения и куратора, и ты сможешь перейти в общую группу.

– И сколько занимает обучение?

– Изменение, дорогуша, – как игра на музыкальном инструменте. Мы научим основам, а дальше – все сама, все сама. Захочешь – добьешься могущества. Будешь лениться – останешься инженером обслуживающих систем. Никто не будет заставлять... дурацкое это занятие – изменяющую заставлять.

– Но даже на инструментах учат играть годами! – беспо-

мощно возмутилась Аори.

– Не возводи мой пример в ранг идеальной истины. Хочешь, назови это ходьбой. Мы поставим тебя на дрожащие ножки. Единственное – крайне не советую проявлять инициативу так, как ты сделала сегодня. Одно дело – побегать туда-сюда по защищенной башне, и совершенно другое – подвергать опасности тех, кому не повезет оказаться рядом. Или тебе кажется, что это обычная практика – выпускать в столицу девчонок, которые не контролируют свой дар?

– Я понимаю, – ответила Аори. – Особенно, если эти девчонки не стремились стать изменяющими, их использовали в качестве проститутки, а теперь требуют преданности.

Ответила и изумилась собственной наглости. Но изумилась как-то отстраненно. Подумаешь.

– Это как раз третий пункт, – голос Владыки не изменился, словно он пропустил ее обвинение мимо ушей. – Как супруге Лейта, тебе придется регулярно сталкиваться с Тройнами в тех или иных ситуациях. На этот случай и на тебе, и на Яне стоят блоки.

– Что еще за блоки? – возмутилась Аори.

– Тройн никоим образом не сможет озвучить факты, связанные с твоей инициацией. Как, собственно, и сам факт того, что ты – изменяющая. Король, Главы родов и Лунир уже в курсе. Не дергайся, большинство – только по последнему пункту.

– Ну да, а меньшинство меня не должно волновать.

– Именно так. Постепенно ты поймешь, сколько подобных секретов в каждом роду. К сожалению, и, поверь, я действительно сожалею, подобные случаи давно стали нормой. Безнаказанность, Аори, отсутствие контроля. Да и вне родов... Тысячи изменяющих – это тысячи трагедий, не связанных между собой. Миллионы обычных людей – трагедии в квадрате. Мудрость рождается в тот момент, когда ты понимаешь, что твоя история – лишь одна из. Ты не уникальна, и не потому, что недостаточно страдала. Потому, что другие страдают не меньше, и точно так же не хотят открывать глаза, так же пытаются убежать от проблем и так же пытаются выгрызть свое счастье.

Аори не хотелось показывать, насколько сильно откликаются в душе слова Владыки. И та ненависть, которую вызывает Эремерт... Почему ее нет, когда говорит тихим, спокойным голосом безликое существо в длинной рясе? Ведь он управлял ей, он держал в руках кончики нитей.

И он знает, куда они ведут. Могло ли быть причиненное ей зло – меньшим?

– А на мне что за блоки? – спохватилась Аори.

– Ты не сможешь его убить, – Владыка усмехнулся во тьме капюшона. – И не захочешь. Будешь спокойна, как Баго в очереди за пончиками. А спокойный изменяющий – это плохонький изменяющий.

– Я не хочу быть спокойной, и видеть его тоже не хочу!

– А чего ж ты хочешь?

Аори картинно пожала плечами.

– Как тебе такой выбор? Из этого кабинета выйду я, а не ты. Скажу Лейту все, что надо сказать, и прослежу, чтобы он покинул Арканиум. А ты – останешься. Узнаешь, что такое быть изменяющей, без лишних привязанностей, без лишних эмоций. Вы оба забудете все, что вас связало, возможно, больше никогда и не встретитесь.

В устах Владыки все звучало иначе. Когда она сама, в запале, собиралась сбежать, пожертвовать всем ради Лейта, не было внутри такой горечи. Может, потому, что это была, как бы, красивая жертва? Потому, что ей казалось, что он продолжил бы ее любить, несмотря ни на что?

Но ведь Владыка прав. Лейт забудет. Они станут чужими друг другу, изменяющая и Глава рода. Не будет никакой жертвенности – лишь брезгливое безразличие. Он сможет вычеркнуть лишнее, он всегда мог.

А она всю жизнь будет помнить.

Или нет? Что такое изменяющая?

Трусливая девчонка, которая всегда убегает? Которая даже разбить сердце любимому человеку предоставит бесчувственному существу с тьмой вместо лица?

– Нет.

– Что ж, ступай, дитя. Пробуй.

Аори выкарабкалась из кресла, сжимая смартфон в руке. Так странно. Владыка, говоря простым языком, – ее новый начальник. Самый главный из всех измененных, а она – са-

мый маленький винтик в системе. И, вместо того, чтобы наказать ее, приказать, отправить в то, что у изменяющих заменяет карцер или казармы, Владыка успокаивает и отпускает. И рассчитывает на то, что она добровольно вернется.

Или прожить жизнь, скрываясь, с блоками на душе и теле?

Какая заманчивая альтернатива.

Уже у самой двери ее догнало негромкое:

– Пусть боги осветят твой путь.

Аори вздрогнула, но сумела не обернуться.

Когда они вышли из башни, Аори искоса глянула вверх. Снежно-белая, без малейшего голубого оттенка. Кто б сомневался. Большой вопрос, увидит ли она когда-нибудь Арканиум иначе.

– Белая? – шепнул Лейт, сжав ее локоть.

– А у тебя?

– Тоже. Ну и демоны с ней. Не спеши.

Аори недоуменно нахмурилась, не понимая, чего ради стоять посреди площади, как два серых столба. Только сейчас она сообразила, что и Лейт одет непривычно – в темно-серые, почти черные брюки, и рубашку на несколько тонов светлее.

Ну да... Цвета Ори. Дым и грозное небо.

Из-за угла вырулили два одинаковых внедорожника, темно-багровых, с отливом в черноту. Они остановились напротив входа в Арканиум. Дверцы открылись, оттуда, как по ко-

манде, выскочили несколько стражей. Один из них придер-жал дверь последней машины.

Лейт легонько подтолкнул Аори внутрь и, когда она села на широкое кожаное сидение, устроился рядом. Не вплотную, еще и подлокотник опустил, разделяя их, но тут же словил ее ладонь и сжал в своей.

– Ого, – Аори присвистнула, удивляясь такой роскоши и одновременно пытаясь сообразить, чуждыся ей алые искры вокруг стражей, или нет. Будто ореол, то видим, то нет.

– Может, это и есть особенность? И поэтому у Баго красный – цвет рода?

– Лана выпустила меня только под охраной, – недовольно отозвался Лейт.

– Она права.

– Да знаю я. Вообще, столько всего случилось за эти дни благодаря Ратту... Сама увидишь.

– Не только обязанности, но и права?

– Именно, – Лейт подмигнул ей и чуть съехал вниз по сидению, позволив себе, наконец, расслабиться. – Не представляю, как я со всем разберусь. Складывается впечатление, что и король, и Лунир рассчитывали на то, что какой-нибудь Ори всплывет из ниоткуда, и подготовили все на этот случай.

– Ну, или Владыка их заранее предупредил.

– Не исключено, но обсудим все дома, лады?

– Лады, – фыркнула Аори. – Ты не думал об учителях риторики? Глава, блин.

– Ой, вот только о них мне еще думать! Переживут, терпел же меня как-то совет предыдущие три года. На свои блины посмотри... хозяйюшка.

Аори фыркнула и тоже вытянула ноги.

– Пить хочется, – пробормотала она. – Тут же есть вода, правда?

– Да, сейчас подам.

Лейт потянулся к мини-бару, упрятанному между передними сиденьями, чтобы Аори не пришлось вставать. Баго явно не экономили на площади автомобилей. И на защите – тоже. Толстое бронированное стекло никакая пуля не пробьет, да и перевернуть тяжеленные внедорожники в принципе невозможно.

Когда Лейт наклонился, Аори заметила тонкую серебряную пластинку за его ухом. Похоже на гарнитуру, но она таких никогда не видела.

– Держи.

– Ммм, спасибо. А что это у тебя?

Она попыталась коснуться пластинки, но Лейт поспешно отодвинулся.

– Э... – замялся он. – Лана выдала...

Врать у него всегда выходило отвратительно.

– Теперь у нас будет много секретов друг от друга, да?

– Прости.

– Да не страшно, – Аори отвернулась к окну. – Может, мне даже нравится, что ты знаешь что-то, чего я не знаю.

Она не присматривалась, что там, снаружи, когда лимузин Тройна вез их в собор. А там уже готовилось к окончательному триумфу лето. Ни единой капли весны не осталось в темно-зеленых листьях, в густом вечернем воздухе, в рое мошкар, вьющейся вокруг фонаря. Редкие звезды пробивались сквозь сияние города и подмигивали Аори издалека. Они не были маяками, демонами или искрами силы. Они просто – были. Обычные звезды на обычном небе, придуманные для того, чтобы любоваться ночами и загадывать желания.

Машины неслись по центральному проспекту практически беззвучно, не останавливаясь. Наверное, управляющая система дала им приоритет. Да нет, какое там наверное, – точно!

Впереди с рампы съехал и замер, пропуская их, ярко-алый “Экво”. Аори невольно залюбовалась резкими, агрессивными чертами спортивного купе. Только это извращение – красить его в такой цвет. Наверняка за рулем какая-нибудь блондинка с длинным маникюром, которая и сама не знает, зачем ей начиненная мощью “бибика”.

А ведь их не так много делают, и очередь тянется на несколько лун вперед.

Внедорожники пронеслись мимо, но Аори успела разглядеть смуглого парня с высокой укладкой и темными, несмотря на вечер, очками в половину лица.

Ну, тоже вариант.

– Лейт, напомни, что значит “Экво”?

– Дикий конь.

– А-а...

– Тебе нравится?

– Ну, такое, – покривила она душой. Если уж на то пошло, ей очень нравился “Стальной пельмень”, но высказывать что-то Лейту, который его и подарил, отдает абсурдом.

Впереди показались здания правительственного квартала, но, не успела Аори удивиться, куда это они забрались, как внедорожники замедлили ход и свернули вбок. За окном замелькали ограды особняков, и спустя минуту машины остановились.

Аори прижалась к стеклу, заглядывая вперед, но в темноте рассмотрела только высокие ворота, одна из секций которых плавно сдвигалась в сторону.

Внедорожники тронулись с места, и, сделав два или три поворота, снова остановились.

– Добро пожаловать домой, – улыбнулся Лейт.

Он выбрался первым, не дожидаясь помощи угрюмого стража, и подал руку. Аори ухватилась и спрыгнула с подножки.

– ...ты шутишь?

– Я же говорил, король явно подготовился.

– Ох! Это Дом Ори?

Аори поражено вертела головой вправо-влево, словно наклевавшаяся забродивших ягод полоумная синица. Язык не поворачивался назвать это здание особняком, но в ее гла-

зах Дом дал бы фору любому кичевому дворцу столицы. Он казался высеченным из темно-серого монолита, и единственными украшениями выступали стальные полуколонны и ряды тонированных в черное окон. И те, и те – от земли и до плоской крыши.

– Да. Он единственный расположен вне зоны без магии.

Лейт махнул рукой влево, и Аори машинально повернулась, словно могла что-то увидеть.

За оградой, как стена, поднималась едва заметная дымка. Аори показалось, что от нее веет сухостью. Не жаром пустыни, не летом... как вообще можно описать разницу между живым цветком и им же засушенным, умершим между страниц книги?

Их Дом дышал грозой, и Аори полюбила его с первого взгляда.

– Пойдем, – Лейт успел подняться по трем широким ступенькам и теперь ждал ее у дверей. – Познакомлю тебя кое с кем.

– С кем это? – рассеянно отозвалась Аори. Ей хотелось остаться в этом теплом вечере. – Ты что, и слуг успел нанять?

– Герцог, конечно, и об этом позаботился, но я разогнал половину. Не люблю чужих людей в своем доме, а Реодор крайне принципиален в вопросе, где мне теперь положено жить... Не сбивай меня! Идем уже, хватит мечтать.

Аори умилилась этому милому, ничуть не злому ворчанию супруга, и замерла, поставив ногу на ступеньку, от од-

ного осознания это мысли.

Лейт теперь – ее супруг. Звучит фантастически, нереально абсолютно, интересно, а ему каково?

– Аори!

– Да иду, иду...

Что за спешка, в самом деле.

Где она могла видеть эту женщину? Невысокая, с идеальными чертами лица, обрамленного длинными каштановыми локонами, она ждала их в холле. Руки незнакомка держала на уровне груди, изящно положив одну ладонь на другую.

– Аори, это Ликсирэ. Она уже однажды спасла мне жизнь...

– И согласилась продолжить это перспективное занятие на постоянной основе.

Голос Ликсирэ оказался глубоким, чувственным, а пальцы на протянутой руке – длинными и чуткими. Пальцы музыканта.

Пальцы мага.

– Ликсирэ – изменяющая рода Ори.

– Приятно познакомиться, – соврала Аори, осторожно сжав прохладную ладонь. Куда больше ей хотелось сказать что-то вроде “Ну охренеть ты шустрый”, “А мужчины кончились?” или, как вариант, “Зачем тебе еще одна изменяющая?”.

Хотя на последний вопрос ответ очевиден, ну какая из нее изменяющая? Спасительница жизни, повелительница бабо-

чек, блин.

Ликсирэ прекрасно подходила для высшего общества, куда лучше, чем ее растрепанная подопечная. И как пара для Лейта, если уж на то пошло.

Изменяющая улыбнулась вполоборота, так, чтобы одна Аори заметила. Ну да, та, кому можно доверить неопытного Главу, наверняка читает все ее эмоции, как с листа. Впрочем, всегда могло быть хуже. Например, Кришта.

Аори захотелось хныкать, как маленькой девочке, и она пообещала себе, что обязательно осуществит это желание, как только останется одна.

Ох... Одна... Может, стоило остаться в башне?

– Ужин отнесли в комнаты, как ты и просил, – Ликсирэ заправила за ухо блестящий локон. – Мне надо съездить в Арканиум, если ты никуда не собираешься.

– Лана обещала, что сегодня еще прикроет. Езжай.

– Спокойной ночи.

Изменяющая удалилась плавной, текучей походкой, подметая пол подолом темного платья.

– Пошли, покажу тебе твою комнату, – Лейт, словно это было обычным делом, коснулся панели на стене, и перед ними открылся небольшой лифт.

– Ты совсем разленился, – Аори ткнула его в бок, чувствуя, как с грохотом улетает в лифтовую шахту очередной камень из бесконечного, похоже, карьера в ее душе.

– Я устал, ты тоже устала.

Идти пришлось недалеко, и слава богам. У ноги заплетались после прогулки по стеклянной лестнице.

– Приложи руку... Ага. Никто не сможет зайти без твоего разрешения. Можно?

– Зачем ты спрашиваешь? Это твой дом.

– Наш. Я подумал, для тебя это важно. Ну, располагайся, отдыхай. Ужин на столе. Я во дворец уеду рано, но одну из машин тебе оставляю. Водитель будет ждать внизу.

Он развернулся, собираясь уйти.

– Лейт, подожди.

– Что?

Аори встала на цыпочки и осторожно поцеловала его в щеку чуть ниже шрама.

– Спасибо.

Они смотрели друг другу в глаза еще несколько долгих секунд. А потом хором вздохнули, рассмеялись и разошлись в разные стороны.

Боги, как же ему хотелось остаться.

Bobby Woods. The Moth.

Море мягко накатывало на берег из мелкой, облизанной тысячами приливов гальки. Волны просачивались между белых камушков и таяли, оставляя после себя хлопья пены. Потом исчезали и они.

В сумерках над водой поднялось голубое марево, накрыло и воду, и берег таинственной дымкой. Или, может, это протянулась тень от горы, за которой скрылось солнце. В голубом свете размылись все острые грани, поблекли цвета, затихли звуки суетливого дня. Только море все нашептывало тихонько речитатив на неведомом языке. Еще холодное для длительных заплывов, оно уже не обволакивало берег промозглой сыростью, и можно было бесконечно сидеть на гальке и наблюдать, как темнеет и наполняется звездами весеннее небо.

– Не думала, что ты настолько буквально воспримешь просьбу Лунира.

Аори задумчиво чертила в гальке узоры кончиком кроссовка. Узкие рвы тут же осыпались и зарастали, сводя на нет все ее усилия по локальному терраформированию.

– Ха, просьбу? Если герцог настойчиво советует на несколько дней убраться из столицы, я буду последним, кто этот совет проигнорирует. Тем более, он же нас не просто

выгнал, а в гости пригласил.

– Хорошо они живут... Но я не про то.

Аори покосилась на супруга. Они прилетели в середине дня, и с тех пор практически не расставались. И ни разу, ни на минуту Лейт не дотронулся до смартфона, словно снова вернулся в те времена, когда его особенность не была жизненно важной для Астрали.

Вот и сейчас он просто сидел рядом, просто смотрел на воду и не думал абсолютно ни о чем полезном.

– Я понял, – Лейт подхватил с земли горсть гальки и принялся машинально перебирать камни в руке. – Эх... Вряд ли у меня будет возможность отдохнуть ближайший год. Или два. Да и у тебя тоже. Жалко, что еще слишком холодно.

– А я все равно завтра искупаюсь, – с вызовом заявила Аори.

– Смотри, не простудись. Было бы обидно провести последние свободные дни в постели с соплями.

Веррейн наверняка скорчил бы мерзкую рожицу и поинтересовался – “а не с соплями?”. Аори провела несколько ночей, то проваливаясь в обрывки сна, то выныривая непонятно куда, в реальность или на Грань, но волколак так и не отозвался. Она ощущала только массивное темное присутствие вокруг, клубящийся темный рой, и в глубине души уже поверила, что Эремерт не врал.

Аори искала Веррейна, убеждая себя, что это лишь потому, что он опытный, старый демон, он единственный может

ее услышать. И отчаянно боялась получить такое же молчание в ответ, прокричи она в темноте другое имя.

– А ты не хочешь даже попробовать?

Лейт со вздохом поднялся, выбросил гальку и наклонился, чтобы сполоснуть руки.

– Да что-то не очень, – пробормотал он, болтая ладонью в прохладной воде. Хоть изменяющие и помогли телу восстановиться за считанные часы, мелкие шрамы защипало от соли. – Пойдем. Прием через час, а мы даже не переоделись.

– Может, ну его? – без особой надежды предложила Аори.

– Его, может, и ну, если бы не из-за нас собрали. Не переживай, все веселье будет на противоположном конце парка. Посидим часик и уйдем.

– Не люблю я эти ваши балы, – Аори поднялась и побрела рядом с Лейтом вдоль берега.

– Считай этот репетицией. Когда вернемся, нам предстоит представление Старшим родам и королевскому совету.

– Не хочу.

– Хочу, не хочу... Я тоже от желания нерываюсь, но это самый минимум из того, что мы должны сделать. Ратт мне ради интереса показал список всякой хрени, в которой обязан принять участие новый Глава... это ж насколько нашим предкам нечем было заняться, что они все это навывдумывали?

– Например? – заинтересовалась Аори.

– Торжественные ужины в каждом Доме по очереди, при-

чем для определения очереди отдельный двухтомник написали. Или возложение цветов к монументу объединения.

Она фыркнула, представив Лейта с метровым венком наперевес. Вот Глава Ори пафосно бредет по бесконечным ступеням к огромному фаллическому обелиску. И, как только он кладет венок, тот сдувает порывом ветра обратно к подножию.

Повторить!

– Ты еще свои обязанности не знаешь, – уловив ее настроение, ухмыльнулся Лейт. – Церемония пятидесяти булавок, визит милосердия в детский дом, раздача супа бездомным и запуск священных голубей с третьей террасы храма... мне продолжать?

Аори, которой милосердие было примерно так же близко, как и голуби, прыснула со смеху. В принципе, она бы согласилась запускать с балкона бездомных, мотивируя каждого булавками в задницу, и даже в оговоренном количестве на одну особь, но кто ж разрешит совмещать столь важные ритуалы.

Их уже ждали в отведенном крыле дворца. Аори приготовилась если не к упрекам, то, хотя бы, какому-то недовольству, но демона лысого! Впрочем, радости на лице горничной она тоже не увидела.

Как, все-таки, непривычно, когда твои действия не оценивают, а принимают, как есть. Как будто у нее, и впрямь, “не только обязанности, но и права”. На ошибки... нет, на

решения!

И, пожалуй, ей это нравится.

Сама она бы в жизни не справилась. А так ее не только впихнули в ненавистное платье и причесали, но даже успели немного подкрасить прежде, чем Лейт нетерпеливо постучал в дверь. По телевизору бубнила трансляция с заседания во дворце и, засмотревшись на скучающего Реодора, Аори услышала стук не с первого раза.

– Сейчас! – заорала она в ответ, едва не организовав себе оригинальные решения в макияже. Но горничная попалась и впрямь опытная и даже не вздрогнула. Впрочем, мелкую месть немолодая женщина себе таки позволила, брызнув закрепляющим спреем в лицо без всякого предупреждения.

– Аори, давай быстрее! – невнятно донеслось из-за двери.

– Ну ты ж хотел, чтобы я была на женщину похожа? С этим эволюция не справилась, вот жди теперь!

Она заметалась по комнате в поисках сумочки. Горничная бесстрастно наклонилась, выудила ее из-под столика, в два шага очутилась рядом с каминной полкой, подняла оттуда следующий пункт панического поиска – смартфон – и, укомплектовав одно в другое, протянула подопечной. И, кажется, едва сдержалась, чтобы не осенить благословением. Ясное дело, себя.

– Спасибо!

Горничная нажала на ручку двери. На ее лице наконец появилось что-то похожее на улыбку. Аори облегченно выдох-

нула и покинула комнату с достоинством и грацией прирожденной дамы.

– Блин, чувствую себя, как какая-то невеста! – пожаловалась она Лейту.

– Ты замечательно выглядишь, – улыбнулся он.

– Правда?

– Конечно.

Аори завертелась, пытаясь рассмотреть платье. Основой образа служили корсет и юбка простого, строгого кроя, и ей даже нравился насыщенный серый цвет. И то, как туго зафиксированная ткань не только подчеркивает талию, но и помогает изобразить вполне приличную грудь там, где ее отродясь не росло.

Очарование платью придавала накидка на несколько тонов светлее. Она оставляла плечи открытыми, а сзади распалась на две длинные складки-крылья.

– А мне кажется, я похожа на моль, – фыркнула Аори и просунула руку в сгиб локтя супруга.

Вот уж кому темно-серый шелк подходит, так это ему. И седина на висках... Круто. Он действительно похож на Главу рода. И, кажется, Лейт счастлив.

Значит, она сделает сегодня все, чтобы не провалить свою роль.

– Ты похожа на самую прекрасную девушку в мире, чудо. Да и свадьбы у нас нормальной не было, считай, хоть какая-то замена. Ты как, еще не научилась танцевать?

– Даже если разучилась, куда я денусь? – ей хотелось замурлыкать и потереться лицом о его плечо, и сдержали не столько правила приличия, сколько понимание того, во что превратятся пресловутые лицо и плечо. – Постой, а куда мы идем?

Вместо того, чтобы спуститься в парк, где у двухместной машинки без верха уже ждал водитель, они вернулись к спальне Лейта и, миновав ее, двинулись дальше, к двустворчатым дверям в торце коридора.

– Надо встретиться кое с кем, – напряженно ответил он
– Сейчас?!

– Не моя идея. Заходи, – Лейт коротко постучал и придержал створку, пропуская супругу вперед.

Приемный покой терялся в полутьме. Шторы на высоких окнах были закрыты, и через них не пробивался ни один лучик лунного света. Единственным источником освещения оставался пылающий камин, и возле огня высился залитый черным силуэт.

Аори недоуменно оглянулась на супруга, не понимая, что ей делать и как реагировать.

– Ваше величество, – Лейт опустил голову в положенном поклоне.

Совершенно растерянная, Аори повторила его движение. Как это – Ваше величество? Он же в столице...

– Я не задержу надолго, – он махнул рукой, подзывая их ближе.

И, когда свет упал на лицо, Аори пришлось признать невероятное. Никто иной, как единственный король Астрали, облокотился на высокую каминную полку и разглядывал тлеющие за защитным экраном поленья.

– Я так и не поздравил тебя, Аори, – рыжие глаза короля отражали огонь. – Поздравляю. И желаю вам счастья.

– Спасибо, Ваше величество...

– Я бы сказал, что вы начали новую страницу нашей истории, но с твоим прибытием, похоже, стартовала отдельная книга. И, если ты сможешь доказать, что и в Старшем роду может быть изменяющая, что две стороны нашего мира могут объединиться в одном человеке...

Реодор потер подбородок, словно страдал от зубной боли, и подхватил что-то с каминной полки.

– В общем, это дало бы нам надежду. Подойди.

Она осторожно приблизилась. Лейт за спиной стоял недвижимо и беззвучно.

На ладони короля лежал браслет из матового серого металла. Он поглощал любой свет, и ни одного блика не светило на зубчатых гранях.

Невнятный возглас дал понять, что Лейту знакома причудливая вещица.

– Этот браслет принадлежал супруге Главы Ори, от самого Пробуждения и до смерти последней из них. Потом он оказался у меня вместе с остальным наследием. Дай руку.

Надев кольцо на запястье, Реодор сжал металлические

границы каким-то особым образом. Звенья вошли одно в другое, и теперь на руке Аори был обычный, хоть и безусловно красивый, гладкий браслет.

– Спасибо.

– Лейт покажет тебе, как с ним обращаться. Теперь – идите, пока вас не начали разыскивать по всей резиденции.

Вопреки своим словам, Реодор коснулся плеча Аори. Она замерла, ощущая его прикосновение, как разряд электрического тока.

– Я хочу увидеть тебя завтра.

– Да, Ваше величество.

Аори покинула комнату в полнейшей растерянности.

– Что он тут делает? Я же видела...

– Тихо. Тут у стен не то, что уши, они все – сплошная хрящевая ткань. И ты могла бы догадаться, что у некоторых бывают двойники.

– А у тебя?

– Пока нет, а там посмотрим, – усмехнулся Лейт. – Боишься ошибиться?

Аори фыркнула вместо ответа.

Они чуть ли не бегом преодолели анфиладу дверей и спустились по ступенькам к ожидавшей “кажете”. Водитель мчался по дорожкам парка так стремительно, что, будь у Аори положенная прическа, в конечный пункт прибыл бы стог сена вместо изящной укладки.

Летний павильон светился в центре парка, как сказочный

дворец. Собственно, типичная архитектура для Австрали. Но Лейт не позволил Аори любоваться – помог выбраться с высокого сидения и потянул за собой к неприметным дверям вместо широкой террасы с распахнутыми окнами, куда супруга собралась направиться по недомыслию.

– Нас должны представить, – сквозь зубы процедил он.

– Мне страшно!

– А мне, думаешь, нет?

Они обменялись напряженными взглядами за секунду до того, как слуги распахнули двери, а церемониймейстер надул грудь и открыл рот, чтобы объявить о прибытии...

– Глава Старшего рода Ори господин Лейт Ори и его супруга Аори Ори!

Губы супруги невольно шевельнулись. Но сказанное услышал только Глава и крепче сжал собственные, чтобы не расхохотаться. Впрочем, Лейт не был бы Лейтом, если бы упустил такую возможность.

– Я ждал этого момента, – прошептал он, не поворачивая головы, и Аори захотелось ткнуть локтем в бок эту ехидную скотину.

– Каждый раз будешь ржать?

– Даже не сомневайся.

Аори цеплялась за его локоть как заправский клещ, пока они спускались по парадной лестнице. Хоть бы не поскользнуться, блин, кто придумал эти дебилские ступеньки и дурацкие платья, когда даже ног своих не видишь!

К счастью, Луниров и их друзей оказалось не так уж много. Как раз столько, чтобы рядом с Ори надолго не задерживались, но и не толпа, способная превратить тихий вечер в балаган.

За три года Лейт, конечно, пообтерся при дворце и знал, кому и что сказать. Так что Аори оставалось только улыбаться, подавать руку для рукопожатия и пытаться изобразить интерес к раз за разом повторяющимся приветствиям и комплиментам. После очередного восхваления “прекрасной юной супруги” порыв прохладного ветра заставил ее поежиться.

Высокие окна были распахнуты настежь, соединяя балльный зал с обращенной к морю широкой террасой. На ней расставили столики с закусками, там же негромко звучало что-то джазовое. В одном из эркеров зала расположился камерный оркестр, и музыканты готовились играть. Легкими касаниями скрипачи и виолончелисты проверяли свои инструменты, и те отзывались ясными, полными затаенного ожидания звуками.

За деревьями, по другую сторону бухты, сиял огнями Фаит. Маленький городок, но в нем был Арканиум. Толстостенный дом на площади с развесистым дубом и старым фонтаном. Море мягко, почти беззвучно лизало набережную Фаита, и у самого берега из кипарисов вырастала белоснежная колокольня.

Ровный, мелодичный звон донесся издалека, возвещая о

том, что вечер официально превратился в ночь.

– Пойдем, – Лейт тактично приобнял замечтавшуюся супругу и подтолкнул к центру зала. Гости расступились, освобождая пяточок, да и сами уже разбились на пары. Но никто не двигался, ожидая... чего?

– Ты не мог предупредить? Почему мы не репетировали? – запаниковала Аори.

Он улыбнулся и положил ее ладошку себе на плечо.

– Чтобы ты еще больше нервничала? Не бойся. Просто держись за меня. И упрись рукой, помнишь? Вот так.

Дирижер с длинными седыми волосами гордо вскинул подбородок и поднял палочку. Взгляды музыкантов сошлись на нем, и, кажется, каждый затаил дыхание в заполнившей зал тишине.

Первые звуки вплелись в нее, как шорох волн и шелест ветра. Рука Лейта дрогнула на талии, его бедро прижалось к бедру Аори в первом шаге, и вместе, как единое целое, они закружились по залу. Легко и просто, словно снова шагали по мелкой гальке, а не танцевали под пристальными взглядами доброй сотни гостей. Впрочем, те присоединились спустя десяток секунд, и их пара стала всего лишь одной из многих, разделивших первый вальс.

– Все хорошо? – спросил Лейт, не отводя взгляда от Аори.

– Кажется. Я... я глупость сейчас скажу, только не смейся, обещаешь?

– Обещаю.

– Я давно не была так счастлива.

Лейт улыбнулся и, повернувшись на каблуках, на секунду поднял Аори в воздух. Тонкая серая ткань взлетела и опала, словно и вправду была крыльями.

– Ой! – она невольно прижалась к его плечу.

– Всегда хотела летать, а теперь высоты боишься?

– Я не боюсь высоты, я боюсь с нее падать.

– Я тебя удержу.

Он и впрямь держал. Обнял ее за талию, бережно прижал к себе так, что Аори ощутила его тепло, его запах. Вдохнула и закрыла глаза, чтобы сохранить каждую частичку этого мгновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.